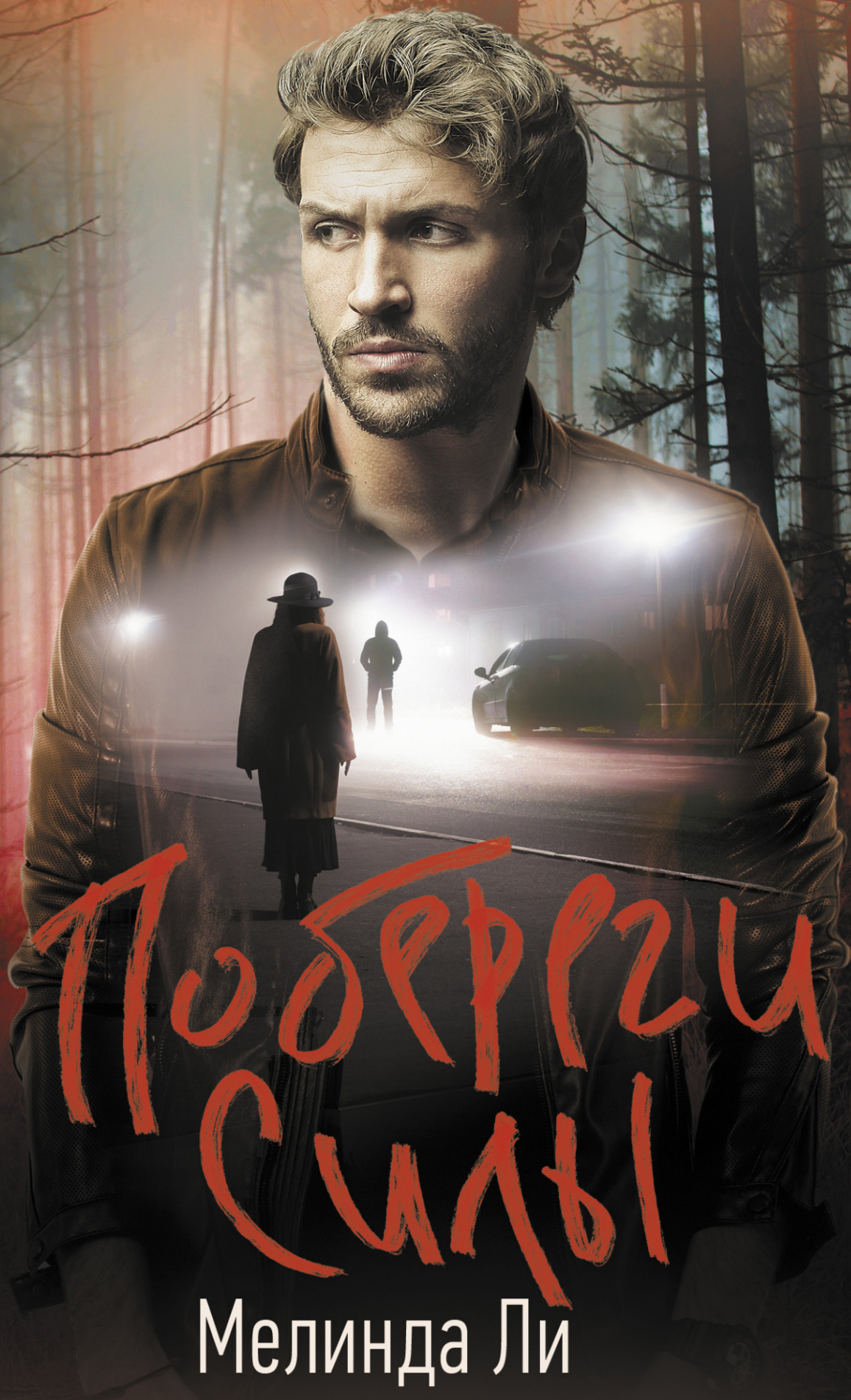

БЕСТСЕЛЛЕР WALL STREET JOURNAL, WASHINGTON POST И AMAZON CHARTS

Мелинда Ли

9 000 000 ЧИТАТЕЛЕЙ ВЫБИРАЮТ КНИГИ МЕЛИНДЫ ЛИ

Хит Amazon. Триллеры Мелинды Ли

Мелинда Ли
Побереги силы

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

Ли М.

Побереги силы / М. Ли — «Издательство АСТ», 2019 — (Хит Amazon. Триллеры Мелинды Ли)

ISBN 978-5-17-119565-6

Возлюбленная главы детективного агентства Линкольна Шарпа, Оливия Круз, бесследно исчезает. Шарп опасается худшего, ведь малочисленные улики указывают на то, что ее похитили. Однако у полиции связаны руки. Морган Дейн и Ланс Крюгер готовятся к свадьбе, но Шарп подключает их к поискам пропавшей журналистки. Втроем они пытаются воссоздать последние часы Оливии до исчезновения. Они должны найти ее, пока не стало слишком поздно. Чем больше детективы углубляются в жизнь Оливии, тем мрачнее становится картина. Как связаны два хладнокровных убийства и новое расследование журналистки? При чем здесь самоубийство одного из клиентов Морган? И самый главный вопрос: смогут ли они найти Оливию живой? Время почти на исходе, и когда опасность подкрадывается к Морган и Крюгеру, они понимают, что могут стать следующими жертвами.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-119565-6

© Ли М., 2019

© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	8
Глава третья	14
Глава четвертая	20
Глава пятая	25
Глава шестая	31
Глава седьмая	35
Глава восьмая	39
Глава девятая	42
Глава десятая	47
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Мелинда Ли

Побереги силы

Melinda Leigh
SAVE YOUR BREATH

Серия «Хит Amazon. Триллеры Мелинды Ли»

Публикуется с разрешения Amazon Publishing, www.apub.com,
при содействии Литературного агентства «Синописис»

Перевод с английского Павловой Ирины

© Melinda Leigh, 2019
© Павлова И., перевод, 2020
© ООО «Издательство АСТ», 2021

* * *

Посвящается Чарли, Энни и Тому – вы мой мир

Глава первая

Где же она?

Спрятавшись в тени маленького белого бунгало Оливии Круз, он бросил взгляд на часы. Было почти десять. На протяжении последних нескольких недель Оливия уходила из дома по четвергам около пяти вечера и возвращалась к половине десятого. Ей уже следовало быть дома. Если только она не изменила привычный уклад.

Скрестив руки на груди, он подпер свой подбородок указательным пальцем. Возможно, Оливия вообще не собиралась приходить домой сегодня вечером. Время от времени она оставалась ночевать у своего друга. А иногда этот тип спал у нее, но только не с четверга на пятницу.

Ладно, надо дать ей еще десять минут. Если она не появится, он вернется к своему фургону. Он оставил автомобиль в парке примерно в миле отсюда и дошел пешком до дома Оливии. Пока что ему было вполне комфортно, да и позицию для засады он занял выгодную – возле ее гаража. Шестифутовая секция забора у переднего угла бунгало прикрывала контейнер для мусора от взглядов прохожих и обеспечивала ему отличное укромное местечко. Сентябрьская ночь выдалась на редкость приятной по ощущениям. Скользнув глазами по деревянной панели, он внимательно осмотрел улицу. В этом пригородном районе было достаточно тихо, чтобы он мог уловить слабые звуки ночи. Легкий ветерок теребил на траве опавшие листья, а где-то в отдалении лаяла неугомонная собака.

Темное асфальтовое покрытие озарилось светом передних фар – на улицу свернула какая-то машина.

Она?

Он глубоко вдохнул воздух, пропитанный дымком костров, и проверил свой пульс. Он досконально изучил свою мишень и дотошно, до мелочей, спланировал эту ночь. А накануне забрал все камеры видеонаблюдения, которые установил еще несколько недель назад. Спроектированные в расчете на поимку грабителей, ворующих посылки у порога, они внешне выглядели как обычные камушки. Но благодаря своим батарейкам с двухмесячным сроком работы и сотовой связи эти камеры позволили ему вести удаленное наблюдение за жизнью Оливии. И камеры, и множество прочих хороших проверенных временем средств наблюдения в его фургоне и в сарае незаселенного дома позади ее бунгало – все это помогло ему составить четкое и точное представление о повседневном распорядке женщины.

Рисковать ему не хотелось.

Машина приблизилась. Белый «Приус». Это автомобиль Оливии! Она вернулась.

Все по плану...

Он размял шею и вытащил из кармана перчатки. Натянув их на руки, он открыл свой легковесный рюкзачок для спортивных пробежек; на этот раз в нем лежали моток клейкой ленты, кусок веревки, маска и нож. Пальцы нащупали контур защищенного колпачком шприца в нагрудном кармане куртки.

У него имелось все, что было нужно.

Он извлек маску из рюкзака и надел ее на лицо. Ему надо позаботиться о сохранении своей личности в тайне – на случай неудачи, хоть она и маловероятна. Он приготовился к любому возможному «если что». И даже разработал план Б, не менее важный, чем план А. Он не мог позволить себя поймать.

Дверь гаража поднялась, и пространство внутри осветилось. «Приус» вырулил на подъездную дорожку к бунгало Оливии и заехал в гараж. Прислушавшись, он привстал на мыски и замер в ожидании.

Главное – правильно распределить время и скоординировать с ним свои действия. Время играло решающую роль.

Внутри гаража открылась и закрылась дверца автомобиля. Каблуки Оливии процокали по бетону. Он представил себе, как она подходит к двери, ведущей в дом, а потом одновременно открывает ее и нажимает кнопку настенного выключателя. Закрепленная на потолке гаражная дверь фыркнула и зажужжала. Ровно секунду спустя она начала неспешно опускаться. А его уши различили звук закрывшейся внутри двери. Как и большинство людей, Оливия вошла в дом раньше, чем гаражная дверь доползла до бетонного пола.

Не дожидаясь, когда дверь опустится, он пригнулся и, переступив через красноглазый датчик, шагнул в нутро гаража. Ему нельзя было терять время. Оливия обезоруживала свою охранную систему с помощью брелока еще из машины, до входа в дом. Полагаясь на результаты своих многодневных наблюдений, он предположил: сейчас она пройдет на кухню, положит сумочку, снимет жакет и туфли и только потом достанет из кармана брелок. В его распоряжении оставалось, по меньшей мере, шестьдесят секунд, чтобы проникнуть внутрь до того, как она снова активирует охранную систему – уже с ним в доме. Иногда Оливия просыпалась посреди ночи и бродила по комнатам. Так что он знал наверняка: она не использовала детекторы движений, будучи дома.

Отсчитывая секунды, он устремился к двери; его кроссовки неслышно проследовали по полу. Пальцы обхватили дверную ручку и аккуратно повернули ее. Тихонько толкнув дверь, он приоткрыл ее ровно на дюйм. Приблизив глаз к щелке, заглянул внутрь. Прачечная была пуста, только тусклый свет просачивался в нее из соседней кухни. Этого он предусмотреть в своем плане не мог. Он никогда раньше не бывал в ее доме. И только примерно представлял себе расположение в нем комнат – на основании того, что сумел высмотреть в окна.

Толкнув дальше дверь и проскользнув за порог, он бесшумно притворил ее за собой и так же медленно разомкнул пальцы на ручке. Затем остановился и снова прислушался. Прачечную и кухню соединял коридор. Белая панельная дверь между комнатами была открыта. Несколько вдохов и выдохов – и тихий писк просигналил ему, что охранная система снова заработала. А через миг он услышал, как Оливия прошла по кухне. Шаги приблизились, и под мышками у него взмокло от пота. Он быстро огляделся по сторонам – куда бы спрятаться? У противоположной стены комнаты находилась гардеробная. Но он не успеет до нее добраться. Под бешеный стук пульса в ушах он прошмыгнул за открытую дверь прачечной и вжался спиной в стену.

И стал ждать.

При необходимости он может напасть на нее и здесь – в прачечной. Но это не лучший вариант. На вид Оливия – борец. Она может оказать ему сопротивление. А он предпочитал действовать быстро и слаженно.

Ее тень продефилировала вдоль порога, и шаги опять отступили. Он услышал, как открылся и закрылся холодильник.

И с облегчением выдохнул.

Еще одна дверь открылась в дальней части дома. Оливия зашла в свою спальню. Он за несколько шагов пересек кафельное покрытие и открыл дверцу в гардеробную. Она была забита зимней обувью и одеждой. Превосходно! Оливия не станет заглядывать в нее этой ночью.

Он залез внутрь и стал ждать, когда в доме установится полная тишина.

Когда Оливия ляжет спать.

И когда наступит идеальное время для осуществления его плана.

Глава вторая

Оливия Круз пристально оглядела открытую кладовку. Она провела последний час, перебирая и перевешивая свою осеннюю одежду. В принципе для середины сентября погода все еще сохранялась по-летнему теплой, но за последнюю неделю в северной части штата Нью-Йорк стало холодать. Листья уже начали менять свою окраску и опадать с деревьев. И на прошлой неделе Оливия достала свою фланелевую пижаму. А сегодня вечером она убрала на нижнюю полку босоножки и выставила вперед несколько пар ботильонов.

А что теперь? Теперь надо рассортировать по цвету блузки.

Но это же глупо!

В ее гардеробной и так уже абсурдно-идеальный порядок.

Ей нужно было принять важное решение, а она вот уже несколько дней медлила с этим. Все откладывала на потом. Оливия отступила назад из встроенной в стену гардеробной и решительно закрыла дверцу. Раньше ей отлично помогал сон. Но в последнее время Оливии спалось плохо, если вообще удавалось заснуть; вот и сейчас она боялась, что пролежит в постели, уставившись в потолок, всю ночь напролет. Оливия потеряла вставший за грудиной комок и поплелась в ванную в поисках средства от изжоги.

Чуть раньше вечером ее немного отвлек от тягостных размышлений еженедельный ужин с родными. Мать приготовила ее любимое традиционное кубинское кушанье из черных бобов. Оливия, естественно, позволила себе злоупотребить им, и в ту минуту, когда она покинула родительский дом в Олбани и двинулась в обратный путь в Скарлет-Фоллз, всего в часе езды, ее самодеятельное расследование преступления снова завладело мыслями и вызвало дискомфорт в животе.

Разжеывая антацид, Оливия обдумала свое потрясающее открытие. Выводы, к которым она в итоге пришла, и возмутили черные бобы и рис в ее желудке. Работа Оливии как журналистки заключалась в поиске правды и установлении истины, а не в том, чтобы судить и тем более выносить приговор. Но если она решит отстаивать *эту правду* и предаст ее огласке, другие люди могут заплатить за ее разоблачение высокую цену – возможно, даже своими жизнями.

Оливия тянула с планом-проспектом своей новой книги и в то же время расценивала то затруднительное положение, в котором она неожиданно оказалась, как совершенно безвыходную ситуацию. Игнорирование правды шло вразрез со всеми ее принципами. Но ведь *эта* правда грозила опасностью другим людям.

Эх, знать бы, насколько велик риск... И сможет ли она потом жить спокойно, если возьмет на себя ответственность за смерть даже одного невинного человека?

Одержимость этим расследованием вылилась в три бессонные ночи подряд. Это уже слишком. Ей не следовало принимать решение в одиночку. Ей нужен был чей-то еще сторонний взгляд на это дело. Оливия принесла таблетки от изжоги в свою спальню, взяла с прикроватной тумбочки телефон и проверила время. Одиннадцать часов. Через пару секунд она забила в текстовое окошко всего пять слов – «ПОЗВОНИ МНЕ, ЕСЛИ НЕ СПИШЬ» – и отправила эсэмэску Линкольну Шарпу, своему...

Слово «парень» казалось глупым в их возрасте. Ей было сорок восемь, Линкольну – пятьдесят три. Они встречались несколько месяцев и проводили вместе ночь раз или пару раз в неделю. Оливия допускала, что их отношения были «особыми», хотя они никогда их специально не обсуждали.

Ярлыки ни для кого из них не были важны, но когда Оливия видела Шарпа или он ей внезапно звонил, кровь женщины внезапно закипала от возбуждения и радости, заставляя ее чувствовать себя девочкой-подростком. Помимо того, что она находила его привлекательным, Оливия также очень уважала Линкольна – как личность и профессионала своего дела.

Так почему же она столько времени вымучивала свое решение вместо того, чтобы просто узнать его мнение?

Полицейский детектив в отставке, Линкольн Шарп владел и руководил частной сыскной фирмой. Его практический опыт общения с системой правосудия, как и его багаж знаний о поведении преступников, были гораздо обширнее, чем у нее. Оливия ценила Шарпа за способность все понимать. И была уверена, что он соблюдет конфиденциальность ее расследования. Если бы она решила довести эту историю до конца, ей бы все равно пришлось обратиться в его фирму за помощью в практической следственной работе. В принципе она вольна подключить его к делу и сейчас.

Оливия ргнула. Устремившаяся из желудка вверх кислота обожгла пищевод. Она разжевала еще одну таблетку антацида, рот обволок угольный привкус.

Протянув руку к стакану с водой, Оливия взяла его с тумбочки и сделала глоток. Через несколько секунд зазвонил телефон, и она нажала кнопку «Ответить».

– У тебя все в порядке? – обеспокоенным голосом спросил Линкольн. Оливия обычно не присылала ему эсэмэсок так поздно вечером.

– Да-да, в порядке, – заверила она Шарпа.

– Извини, у меня снова не получилось поужинать с твоими родителями, – сказал детектив. – Но я наконец-то закончил сегодня свое дело. И на следующей неделе точно смогу вырваться.

Шарп не много рассказывал о своей работе, и это было замечательно. Оливия понимала его профессионализм и ценила его умение соблюдать конфиденциальность своих клиентов. Но однажды он обмолвился, что это дело потребовало от него вести постоянное наблюдение по вечерам.

– Родители все понимают, – сказала Оливия. – А позвонила я потому, что зашла в тупик в своем расследовании и захотела узнать твое мнение. Ты не выкроишь для меня время завтра где-нибудь во второй половине дня? Я могу подъехать в твой офис.

– Конечно, – голос Линкольна окрасил интерес. – Сколько времени тебе отвести?

– Думаю, одного часа хватит, – Оливия подумала о помощниках Шарпа. Его деловой партнер, частный детектив Ланс Крюгер, и его невеста, адвокат Морган Дейн, также могли оказаться полезными в разрешении ее дилеммы. Особенно ценным был бы совет Морган как юриста. – Мне бы хотелось обсудить свой вопрос также с Лансом и Морган. Ты не посмотришь, будут ли они завтра в офисе?

– Подожди минутку. Дай-ка я проверю их цифровые календари, – тишина на линии прервалась через несколько секунд. – Ланс будет здесь после обеда. У Морган встреча с клиентом в девять утра. И потом ничего нет. Что, если я назначу тебе на час пополудни?

– Отлично, – Оливия опустила телефон и сделала пометку в приложении «Календарь». – Значит, увидимся завтра.

– А знаешь, на что я понадеялся, когда получил от тебя сообщение? – голос Шарпа внезапно стал более глубоким. – На то, что это был зов плоти.

Легкая дрожь пробежала по телу Оливии. А за ней последовала новая отрыжка. Оливия растерла огонь, разбушевавшийся за грудиной.

– Сегодня не слишком удачная ночь для встречи. Я переела маминой стряпни.

– Неудивительно, – фыркнул Шарп. – Твоя мать отменно готовит.

– К тому же мне утром придется рано встать, чтобы отвезти ее к врачу, – мама предложила ей заночевать в их доме на диване, но Оливия предпочла ему собственную кровать.

– А что с ней? – проявил участие Шарп.

– Она разволновалась из-за развода моей сестры, и у нее подскочило давление. Ей нравится, когда я сопровождаю ее к доктору – лишняя пара ушей.

– Разумно. Тогда увидимся завтра. Выпись хорошенько, чтобы чувствовать себя лучше.

– Спокойной ночи, – нажала «Отбой» Оливия.

Довольная тем, что Шарп поможет ей принять верное решение, она нырнула в постель и взяла книжку. Минула полночь, а сон так и не пришел к ней. Оливия отложила роман и попыталась изменить направление своих мыслей. Линкольн учил ее медитировать. Закрыв глаза, Оливия сосредоточилась на дыхании. Мысленно представила себя лежащей на пляже и постаралась синхронизировать свои вдохи и выдохи с приливами и отливами воображаемых волн. Поначалу у нее плохо получалось сконцентрироваться, но наконец ее тело отяжелело.

Оливия вздрогнула, сердце заколотилось быстрее, пот увлажнил ее футболку.

Что это было?

Взгляд на будильник, стоявший на прикроватной тумбочке, сказал ей: прошло несколько часов. А впечатление было такое, как будто она только-только сомкнула глаза. Похоже, она все-таки заснула. Оливия всмотрелась в темноту в спальне. Глаза скользнули по туалетному столику и стулу. Она действительно что-то услышала, или ей почудилось это во сне?

Сосредоточившись, Оливия стала прислушиваться к звукам своего дома, но не услышала ничего необычного. Хлопок и гул просигналили ей – включился обогреватель. Теплый поток воздуха вылетел из потолочного вентиляционного отверстия и пошевелил занавески на окнах.

Но будильник не зазвонил. Оливия дотянулась до своего мобильного. Вставать было еще слишком рано. Она дважды проверила в приложении на телефоне систему сигнализации. Дом был под охраной. Ей нужно было снова заснуть.

Оливия переместила ноги под одеялом, закрыла глаза и попыталась устроиться поудобнее.

Что-то зашуршало. Ее глаза резко распахнулись. Огромная фигура метнулась к ней. А в следующий миг тяжелое тело приземлилось на нее, придавив Оливию к матрасу. Судя по весу и росту напавшего, это был мужчина. Оливия попыталась замолотить руками и столкнуть его с себя. Но ее руки и ноги были зажаты в ловушке, пока он сидел на ней верхом. Она оказалась стиснутой в коконе своего одеяла, как туго спеленутое дитя. А ее горло было сдавлено так, что закричать она не могла.

Кровь разнесла панику по всему ее телу. Но Оливия все же постаралась взглянуть в темный силуэт противника, нависшего над ней. Лицо показалось Оливии до странности искаженным, а его черты – более светлыми и плоскими, чем у обычного человека. Он был в маске!

В приступе животного страха она опознала персонажа, чьей маской прикрылся нападавший – Майкла Майерса из фильма «Хэллоуин».

Вспышка ужаса прострелила ей позвоночник. Она вдохнула, приготовившись пусть даже через силу выдать крик из своего сдавленного горла.

Он ударил ее по лицу. Боль – резкая и острая – обожгла ее скулу, но через несколько секунд отпустила под воздействием вскипевшего адреналина. Только крик умер у нее в груди, так и не сумев прорваться наружу.

Он взмахнул ножом перед ее лицом, а затем приложил палец в перчатке к резиновым губам своей маски: «Тс-с-с».

Оливия замерла. Учитывая их позиции, она в любом случае не смогла бы пошевелиться, да и вряд ли кто из соседей услышал бы ее крик. Тем более при закрытых окнах со звукоизоляцией.

Притворись, что покорна. Дождись подходящего момента.

Инстинктивно ей хотелось оказать ему сопротивление, но он лишил ее всякой возможности бежать или побороться с ним. В ее ушах отзывался стук сердца. Оно колотилось так, словно хотело выскочить из груди, но при каждой попытке наталкивалось на костяную броню грудины и отступало назад. Ее дыхание все учащалось, пока не стало почти нитевидным.

Что он собирался сделать?

Поведя плечом и скинув с него свой маленький рюкзак, он бросил его на постель рядом с ней и расстегнул застежку-молнию. Убрав нож в карман, он перенес свой вес с одного колена на другое и выдернул – поочередно – ее руки из-под одеяла. И зажал оба ее запястья в одной из своих рук. Она попыталась отодвинуться, но ее запястья были тонкими, а его хватка слишком крепкой и надежной. Он достал что-то из своего рюкзака, и Оливию пробрал свежий прилив страха. Она сглотнула металлический привкус, пока он туго обматывал ее запястья клейкой лентой. Как только ее руки были связаны, он залепил ей куском скотча еще и рот.

Из глаз Оливии потекли слезы. Ее нос забился. Она не могла вдохнуть довольно воздуха одним носом. И начала ощущать головокружение. А вдруг она задохнется с залепленным ртом? Ее зрение затуманилось. Перед глазами заплясали точки.

Ей необходимо было контролировать свое дыхание. Голос Линкольна эхом ворвался в ее сознание. «Вдохнули, два, три, четыре. Задержали дыхание, два, три, четыре. Выдохнули, два, три, четыре». После трех повторов ее зрение прояснилось.

А незванный гость слез с кровати и сорвал с нее одеяло. Несмотря на теплоту фланелевой пижамы, Оливия дрожала как осиновый лист, силясь побороть панику, грозившую лишить ее сил и способности соображать. Что бы он ни задумал, ей нужно быть готовой к реакции. Если он собирается ее изнасиловать, тогда ему придется отнять от нее свои руки, чтобы расстегнуть брюки. Однако он не делал никаких поползновений в этом направлении. Вместо этого он обмотал скотчем и ее лодыжки.

Мышцы Оливии затекли. Но... если бы он хотел ее убить, он, наверное, уже бы это сделал? Так ведь?

Пока Оливия сражалась с паникой, он, казалось, сохранял полнейшее спокойствие. Его движения были результативными, четкими и просчитанными, как будто он выполнял совершенно рутинную работу. Он никуда не торопился и, похоже, даже не был возбужден.

Может быть, он хотел просто обокрасть дом? Он действовал практически профессионально. Внутри у Оливии шевельнулась надежда. Наплевать – пусть забирает все, что хочет. Только бы поскорее убрался восвояси!

Уходите. Пожалуйста!

Он опять показал ей нож и прошептал:

– Не двигайся.

Внутри у Оливии все похолодело. Встав рядом с кроватью, он взял ее мобильный телефон и брелок от системы сигнализации, которые она оставила на прикроватной тумбочке. Опустив оба предмета себе в карманы, он застегнул молнию на рюкзаке и водрузил его за спину.

Возьмите все, что хотите, и уходите.

Оливия постаралась лежать неподвижно и беззвучно. Вдруг он позабудет о ее присутствии? Она не должна давать ему поводов причинить ей вред.

Но он снова повернулся к ней лицом-маской. Выражение глаз скрывали темные прорези. Оливия скорее почувствовала, чем увидела его пристальный, испытующий взгляд.

Глубоко в ее глотке заклокотали всхлипы.

Нет. Пожалуйста.

Он наклонился, схватил ее за руки и усадил на краю кровати. Правда окатила Оливию ледяным душем. Он явился к ней в дом не за ее вещами.

Он пришел за ней.

Внезапно его спокойствие стало зловещим, даже ужасающим. Он задумал ее куда-то увезти!

Оливия недавно закончила писать книгу об убийцах и похитителях детей. И ее сознанием завладела одна-единственная мысль: она не могла позволить забрать себя в какое-то неизвестное место, где у него будут и время, и все условия, чтобы делать с ней все, что он пожелает.

Большинству жертв, увезенных в другое место, спастись не удавалось. И, значит, ей уже нечего было терять. Она обязана продолжать бороться.

Оливия ткнула его обеими руками в лицо, но маска защитила его кожу. Он схватил ее за запястья. Она выдернула их из тисков его рук и ткнула костяшками своих пальцев ему в глаза. Он шлепнул по ним на автомате. Оливия лягнулась обеими ногами, но на ее ступнях были надеты только носки. Когда пальцы Оливии ударились о его более крепкую берцовую кость, ее ступни пронзила жестокая боль. Почти с ворчанием он отступил немного в сторону, зажав ее ступни между своими ногами.

Она снова атаковала его лицо. На этот раз она что было силы потянула за край маски, попытавшись ее сорвать. Ноготь Оливии пронзил маску. Кусочек резины оторвался, и она потянулась к мягкой коже его шеи. Ее ногти разодрали ему кожу, и он вздрогнул. Его тело напряглось, гнев впервые за все время отразился в позе.

Он замахнулся и нанес ей удар. Его кулак соприкоснулся с ее лицом. Боль разлилась по ее щеке, в глазах у Оливии потемнело. Но даже невзирая на это она осознала: он снова отвел руку назад. Он мог ударить ее еще сильнее.

Он быстро присел и взвалил ее себе на плечо. Ее руки и верхняя часть туловища свесились вдоль его спины. Его маленький нейлоновый рюкзак начал царапать ей лицо. Оливия дернулась, но он не дал ей сдвинуться с места, прижав свою тяжелую руку к ее спине. Его плечо впилося ей в живот, еще больше стеснив дыхание.

Оливию захлестнуло ощущение безнадежности. Она ничего не могла больше сделать.

Она была беспомощной.

И только ударялась об его спину и отскакивала от нее как мячик, пока он нес ее по коридору. Он знал ее дом слишком хорошо. Как долго он находился в нем вместе с ней?

Жуткая мысль пронеслась у нее в голове. Они направлялись к гаражу. Он задумал ее похитить вместе с ее автомобилем.

Когда она завтра – нет, уже сегодня – не появится в доме матери и в офисе Шарпа, Линкольн ей позвонит. Когда она так и не ответит на его звонки, он наверняка приедет узнать, в чем дело. Но ни ее сумочки, ни ее машины он не увидит. Кроме раскиданных постельных принадлежностей, никаких намеков на то, что ее украли, не будет. Она должна оставить ему какой-нибудь знак – знак, что ее увезли из дома насильно.

Оливия пошевелила руками в надежде высвободить их из клейкого наручника. Не сработало. Липкая лента только глубже впилась в тонкую кожу ее запястий. Разочарование и отчаяние душили ее.

А ведь Линкольн говорил ей, что нужно обновить охранную систему. Он даже предлагал ей сам это сделать. Но Оливия не считала это приоритетной задачей и только отмахнулась от него. Она не желала доставлять кому-то хлопоты и сама испытывать неудобства – даже на день или два.

А теперь ей предстояло умереть.

Может, ей повезет и он убьет ее быстро.

На кухне он сгреб с кухонного островка ее сумочку и ключи. Затем с помощью брелока отключил сигнализацию. Потом вошел в прачечную и застыл в ожидании, пока откроется дверь гаража. Оливия дотянулась до стены и схватилась обеими руками за обрамлявший дверь багет. Вцепилась в него со всей силой, на которую только была способна. Со злобным рыком он оторвал ее кисти от деревянного украшения. Кончик пальца пронзила боль – сломался ноготь. До крови или нет? На всякий случай она рывком выбросила руки еще раз вперед и провела растопыренными пальцами по ослепительно белому покрытию багета. Но разглядеть в темноте, удалось ли ей оставить отметину, Оливия не смогла.

Он занес ее в гараж, затем притворил и запер дверь в дом.

В последней отчаянной попытке Оливия вытащила правую сережку и бросила ее на пол. Потом то же самое сделала с левой.

Но это самое лучшее, что она могла сделать.

Он положил ее в грузовой отсек автомобиля. У «Приуса» отсутствовал традиционный багажник. Для багажного отделения была предусмотрена только дверца типа «люк». Значит, она сможет сидеть в машине и, возможно, ей удастся привлечь к себе чье-то внимание, пока он будет вести машину. Но прежде, чем ее надежды окрепли, он вытащил из своего рюкзака веревку и, обвязав ей шею Оливии, затянул петлю настолько туго, что она врезалась ей в горло. Затем он заставил ее тело свернуться в тугий клубок и затянул веревку вокруг ее лодыжек и запястий. Оливия вздрогнула – ее бедро уколола острая игла шприца. Страх с новой силой потряс ее разум. Он, наверняка, вколол ей какой-то наркотик. И скоро она станет совершенно беззащитной.

Что-то мягкое упало ей на тело и голову. Оливия дотронулась до него пальцами. Это плед, которым была накрыта спинка ее дивана?

Он закрыл заднюю дверцу, и машина тронулась с места.

Оливия заерзала, пробуя на прочность свои путы. Но даже малейшее шевеление ее тела только крепче стягивало удавку на шее. Если она попытается вырваться, то задушит себя. Значит, надо лежать неподвижно и посмотреть, куда он ее отвезет. Может, она сможет убежать позже. Хотя... учитывая, как легко он ее похитил, шансов на спасение у нее было ничтожно мало. Он распланировал сегодняшнюю ночь до мельчайших деталей. Он явно приготовился заранее!

Оливия уцепилась за успокоительную мысль: он еще ее не убил! Увезя ее живой, он только все себе усложнил. Почему?

От страха живот Оливии скрутили спазмы. А сознание начала сковывать дремота.

Может, ей и хотелось узнать, что еще он запланировал, но, увы, что бы ей ни грозило, она уже не в состоянии это предотвратить.

Но ведь не бывает идеальных планов. В любом, даже самом совершенном плане всегда имеется пусть даже один, пусть даже совсем малый, но просчет.

Ей нельзя сдаваться!

А пока... все, что ей оставалось – это надеяться, что Линкольн начнет ее искать. И до того момента, как он ее разыщет, она должна уцелеть...

Глава третья

Адвокат Морган Дейн пригласила Лену Оландер в свой кабинет.

Водянисто-голубые глаза женщины в обрамлении красных кругов были опухшие; она явно много плакала.

Чувство вины заставило плечи Морган слегка поникнуть.

– Может быть, выпьете чаю или кофе, миссис Оландер?

– Нет, спасибо, – гостья стиснула обеими руками маленькую коричневую сумочку. На ней были темные джинсы и светло-голубой свитер. На плечи падали тусклые прямые волосы, и четкая линия в трех дюймах от их корней молчаливо указывала на то, что она внезапно перестала окрашивать свою седину в светло-русый цвет. – Мне нужно вернуться на ферму до обеда. Кеннет не знает, что я здесь. Он бы этого не одобрил.

– Кеннет – ваш муж? – спросила Морган.

Голова миссис Оландер с усилием качнулась в кивке.

– Он любит есть строго по расписанию.

– У вас ведь молочная ферма, не так ли? – задала Морган новый вопрос.

Она навела справки об Оландерах в Гугле. «Оландер Дейри» была семейной коммерческой фермой средней руки.

– Так, – взгляд миссис Оландер скользнул по кабинету Дейн, ни на чем не фокусируясь.

Морган прикрыла дверь и жестом указала на два стула для посетителей, повернутых к ее рабочему столу:

– Садитесь, пожалуйста.

Миссис Оландер опустилась на один из стульев так, словно у нее болели все кости и мышцы тела. Несмотря на то, что гостья была рослой, широкоплечей и на вид в хорошей физической форме для своих пятидесяти с лишним лет, держалась она довольно неуверенно, даже боязливо. Верхняя часть тела женщины клонилась вперед, словно желая защитить ее жизненно важные органы от возможной атаки.

Морган обошла свой стол и присела:

– Что вас привело ко мне, миссис Оландер?

– Я хочу вас нанять, – женщина положила сумочку себе на колени, и ее пальцы погрузились в коричневую кожу, как когти хищника. Открыв сумочку, миссис Оландер достала из нее салфетку и промокнула глаза, слегка поморщившись – как будто они у нее болели. – Извините.

– Вам не за что извиняться, – поспешила заверить ее Морган, чья работа заключалась в том, чтобы помогать другим людям пережить самые тяжелые времена в их жизни.

Миссис Оландер шмыгнула носом:

– Вы знакомы с делом Эрика?

– Мне известны основные детали, – Морган уже просмотрела несколько газетных статей.

За несколько недель до этой встречи Эрик Оландер был осужден по обвинению в убийстве своей жены Натали. Судебный процесс удерживал внимание прессы в течение целой недели.

– Мой сын невиновен. Эрик никогда бы не убил Натали. Он любил ее.

– Его обвинили в ее удушении с помощью шнура от подвеса лампы.

– Он этого не делал. Это какой-то другой человек проник в их дом и убил Натали. Это все, как в том фильме с Харрисоном Фордом, – миссис Оландер описала рукой круг в воздухе. – Ну, в том, где он играет хирурга, которого ошибочно обвинили в убийстве собственной жены.

– «Беглеце»? – предположила Морган.

– Да-да, в нем, – кивнула миссис Оландер.

– В тот день, незадолго до своей смерти, Натали изучала в библиотеке приюты для жертв домашнего насилия.

Тот факт, что Натали пользовалась библиотечным компьютером, наводил на мысль, что муж отслеживал ее поиски в сети.

– Она была психически больна, – ответ миссис Оландер показался Морган отрететированным.

– У Натали никогда в жизни не диагностировали никакого психического заболевания, – сказала Дейн.

– Нет, но она всегда была беспокойной... нервной, как олень. Как будто ее мучали тревога или страх.

– Прокурор заявил, что Эрик обращался с Натали очень жестоко и грубо. И несколько свидетелей подтвердили, что она боялась вашего сына.

– Я никогда не видела на ее теле никаких синяков, – миссис Оландер уперлась взглядом в пол и мрачно покачала головой. Может, она хотела убедить в этом саму себя? – Натали была параноиком.

Морган доводилось заниматься случаями домашнего насилия. И она отлично знала, что некоторые мужчины были чрезвычайно искусны в нанесении побоев и не оставляли на телах своих жертв никаких видимых следов. Но спорить с гостьей Морган не стала.

– Эрик заслужил справедливого суда, – острые скулы миссис Оландер расцвели красными пятнами. – Но его адвокат даже не пытался его защищать. Он хотел, чтобы Эрик признал свою вину. А теперь он говорит, что у него есть какой-то человек, готовый пересмотреть его дело. Но мне кажется, что он потерял к нему интерес. Он не отвечает на мои звонки.

В тех статьях, что Морган прочитала в газетах, она не увидела ничего, что указывало бы на противоречивость этого дела. Присяжные обсуждали его всего пару часов, прежде чем вынести обвинительный вердикт.

– А почему вы считаете, что суд над Эриком был несправедливым? – спросила Морган.

Она, скорее всего, тоже посоветовала бы Эрику признать себя виновным. Улики против него были вполне убедительными. И тюремный срок в двадцать пять лет все же был лучше пожизненного заключения. Эрику было всего тридцать два. После отбытия наказания у него останется еще сколько-то лет. А не признай он своей вины – получил бы пожизненный срок без всякого права на условно-досрочное освобождение.

Губы миссис Оландер сморщились:

– Потому что старшина присяжных утаила тот факты, что сама была жертвой домашнего насилия.

– Почему вы так решили? – Морган сделала пометку в своем блокноте.

– На прошлой неделе у нее брали интервью, – подбородок миссис Оландер вздернулся. – Ведущий телешоу изучил ее подноготную лучше, чем суд.

Судья не изучал прошлое каждого присяжного заседателя. Предполагаемые присяжные заполняли короткую анкету и проходили собеседование при отборе присяжных с целью определения его компетентности. И ничего более.

– То, что заседатель оказалась жертвой домашнего насилия не означает ее автоматического отстранения от работы в жюри присяжных, – пояснила Морган.

Губы миссис Оландер скривились в мрачной, отчаянной безнадежности:

– А зря. Разве она могла быть объективной по отношению к моему Эрику? – глаза матери увлажнились.

Вряд ли присяжная заседатель, пережившая в своей жизни домашнее насилие, могла отождествить себя с Натали. Ситуация не была такой однозначной, как думала миссис Оландер. Похоже, она насмотрелась сериала «Закон и порядок». В реальной жизни в залах судебных заседаний было гораздо меньше драматизма.

– У присяжной должны были спросить, не случилось ли в ее прошлом чего-либо такого, что могло повлиять на ее беспристрастность.

– Ну, ясно же, что она солгала, – миссис Оландер снова промокнула свои глаза салфеткой. – Приговор моему сыну должен быть отменен.

– Не все так просто. Даже если прошлое присяжного заседателя может послужить основанием для апелляции, наилучшим возможным исходом для Эрика станет новый судебный процесс. Суд не освободит его просто так.

Плечи миссис Оландер поникли:

– Вот, значит, как... Та женщина скрыла свое прошлое. Если этого недостаточно для отмены приговора, тогда что?

– Идеальных присяжных не существует, – сказала Морган. – И суд это понимает. Любой человек, входящий в жюри присяжных, неизбежно привносит в их работу опыт из своей личной жизни. Суд просит только, чтобы присяжные подходили к каждому делу непредвзято и выносили свои решения исключительно на основании тех свидетельств, которые озвучиваются в зале заседания в ходе судебного процесса.

– Но это неправильно! – миссис Оландер почти выплюнула эти слова. – Разве предубежденный присяжный не может послужить поводом для апелляции?

– Я не сказала, что это не может послужить основанием для апелляции. Я имела в виду только то, что такая вероятность не гарантирована на все сто процентов. Как давно та женщина-присяжная якобы подвергалась домашнему насилию?

– Я точно не помню, – миссис Оландер потерла большим пальцем медную застежку своей сумочки. – Возможно, лет двадцать назад или около того. Да только какое это имеет значение?

– Двадцать лет – это очень много. При таком сроке давности присяжная действительно могла отнестись к делу совершенно непредвзято.

– Не могла... Это невозможно, – прошипела миссис Оландер.

Она исходила из собственного опыта?

Морган не стала с ней спорить и перевела разговор на другую тему:

– Каково ваше финансовое положение? Защита Эрика, должно быть, обошлась вам в приличную копеечку.

– Именно так, – хмурая гримаса на лице миссис Оландер скривила ей даже линию подбородка; уныние в опухших глазах сменилось мрачной подавленностью. – Да и бизнес шел в последние годы не лучшим образом. Маленькие фермы, под стать нашей, неуклонно вытесняются с рынка. Уцелеть в таких условиях могут лишь крупные предприятия.

– Вы продали ферму.

Миссис Оландер кивнула:

– Мы переоформили закладную, чтобы покрыть расходы на защиту Эрика, но этих денег оказалось недостаточно. Мы не потянули новые счета адвоката и выплаты по закладной. Потеряли практически все. Мы прожили в этом доме двадцать пять лет, но, по правде сказать, коровы едва оправдывают свой прокорм. Скоро мы должны съехать. Я думала, что буду из-за этого переживать. Но нет...

– Апелляция предполагает повторное, детальное изучение и юридическую оценку всех обстоятельств дела и составление длинных и путаных заключений в письменной форме, а это все выливается в большое количество оплачиваемых часов работы адвоката. Подача апелляции может обойтись вам очень дорого.

Глаза миссис Оландер наполнились отчаянием:

– Мой сын сидит в тюремной камере, и он останется в ней до конца своей жизни, если мы ничего не предпримем.

Как бы Морган ей ни сочувствовала – как мать матери – это дело все же было не для нее. Выдвинув один из ящиков своего стола, она достала оттуда маленькую записную книжку

и записала в ней название более крупной юридической фирмы в их районе. Время от времени они «передавали» друг другу клиентов в зависимости от обстоятельств. Некоторым клиентам достаточно было консультаций и услуг одного адвоката. Для ведения других дел (таких, как апелляция по делу Эрика Оландера) требовался целый штат сотрудников.

Кроме того, Морган показалось странным явное отсутствие у гостыи хоть какого-то сожаления в связи со смертью ее невестки. Да что уж там! В миссис Оландер все было не так. И профессиональная чуйка подсказывала Морган: Эрик Оландер убил свою жену в порыве гнева – именно так, как описал прокурор и подтвердили свидетельские показания.

Морган вырвала листок из записной книжки и протянула его миссис Оландер:

– Я крайне редко берусь за дела, связанные с обжалованием приговоров. Я – судебный адвокат. А вам нужен адвокат, специализирующийся на пересмотре дел в апелляционном порядке. Это совершенно иная процедура, требующая иного набора навыков. Вы с гораздо большей пользой распорядитесь своими деньгами, если наймете адвоката, занимающегося обжалованием судебных решений.

– Вы отказываете мне? – миссис Оландер уставилась на бумажный листок так, словно он мог ее укусить.

– Да. Вам действительно следует обратиться в более крупную фирму.

Миссис Оландер взяла листок и, держа его на расстоянии вытянутой руки, прищурилась. А в следующий миг совсем спала с лица:

– Они уже сказали «нет».

Похоже, и коллеги Дейн не увидели перспектив в пересмотре этого дела.

– Сожалею, – посочувствовала гостье Морган, но изменить ради нее реальность она не могла.

Миссис Оландер положила листок на рабочий стол Морган:

– Вы были моей последней надеждой. Я видела вас несколько раз по телевизору. И вы всегда казались мне такой... правильной, радеющей за справедливость, – миссис Оландер вскинула глаза и встретила с глазами Дейн. Во взгляде женщины Морган увидела разочарование, сожаление и боль – достаточно глубокую, чтобы оставить шрам на душе.

И все-таки... все-таки она говорила о своей мертвой невестке с пренебрежением, если не презрением. Неужели ее материнские инстинкты блокировали все ее чувства к Натали? Или дело ее сына истощило миссис Оландер до такого предела, когда у нее не осталось уже никаких эмоциональных ресурсов?

В течение нескольких ударов сердца миссис Оландер изучала Морган, а потом ее рот сжался в бескровную линию:

– Чем я вам обязана за уделенное мне время?

– Сегодняшняя консультация бесплатная, – ответила Морган; ей не захотелось брать денег с бедной женщины.

– Благодарю вас, – миссис Оландер встала и зажала свою сумочку под мышкой. – Вы могли бы взяться за это дело и выставить мне огромный счет, но вы были честны со мной. Я ценю это.

Она развернулась и вышла из кабинета Морган напряженной, болезненной походкой измученной и признавшей свое поражение женщины. Остро нуждаясь в глотке свежего воздуха, Морган поспешила в коридор следом за ней.

Дверь в соседний кабинет была открыта. Внутри за своим рабочим столом сидел Ланс. Он посмотрел на лицо Морган, перевел глаза на клиентку и явно считал по языку ее тела пропитавшую его безнадежность.

Морган проводила миссис Оландер взглядом. А когда она закрыла дверь и повернулась, Ланс уже стоял в дверном проеме своего кабинета. Ростом под метр девяносто, светловолосый и мускулистый, в своих карго, стилизованных под военные брюки, плотно облегающей тело

черной футболке и с «Глоком», он больше походил на спецназовца, чем на частного детектива. Но, несмотря на всю внешнюю «крутизну» Ланса, его голубые глаза сверкнули нежностью и обеспокоенностью, встретившись с глазами Морган.

– Все в порядке? – спросил парень.

Морган кивнула. Она арендовала кабинет в офисе фирмы «Расследования Шарпа». Поскольку ее дела часто требовали содействия сыщиков, такое соседство вполне себя оправдывало. Частное детективное агентство занимало нижнюю половину двухуровневой квартиры. Его основатель, Линкольн Шарп, жил на верхнем этаже.

Морган прошла на кухню в задней части здания, достала из холодильника кувшин и налила стакан фильтрованной воды. Развернувшись и встала, прислонившись к рабочему кухонному столу. Окно, выходящее на задний двор, было открыто, и с каждым порывом ветерка в помещение врвался холодный воздух, принося с собой ароматы увядавшей листвы и дыма кострищ.

– У тебя такой вид, будто тебе нужно что-то покрепче воды, – Ланс повернулся и прислонился к столу рядом с ней. Их руки соприкоснулись, и этот контакт, как всегда, успокоил Морган.

Ее муж погиб в Ираке несколько лет тому назад. И два года Морган провела в паутине горя и депрессии. Год назад она возобновила общение с Лансом, на свиданки с которым бегала еще в средней школе. Их воссоединение вылилось в отношения, полные любви и взаимоуважения. Прошлой осенью Ланс сделал Морган предложение. И она каждый день благодарила Бога за то, что даровал ей второй шанс на личное счастье.

– Да, это было тяжело, – вздохнула Морган. – Что она хотела?

Морган в нескольких предложениях пересказала ему беседу с миссис Оландер:

– Я могла взять это дело. Пришлось бы много работать сверхурочно, но я в состоянии подать апелляцию. И я бы взяла с нее лишь малую толику того, во что ей обойдется адвокат из крупной фирмы, специализирующийся на обжаловании приговоров, – в груди Морган засвербело сомнение.

Как бывший прокурор, она все еще только привыкала выступать на стороне защиты в зале суда. Годы работы в прокурорской должности убедили Морган в том, что практически все подозреваемые действительно оказывались виновными. Но сейчас ее мнение изменилось. Ей уже удалось доказать невиновность нескольких человек, которым приписывались серьезные, а порой и тяжкие преступления. И она даже не представляла, что могло быть хуже того, чем оказаться пожизненно в тюрьме за убийство, которого ты не совершал.

– Мы с тобой оба понимаем, насколько маловероятно, чтобы предвзятое отношение одного присяжного могло сказаться на признании невинного человека виновным, – сказал Ланс. – Приговор обсуждают двенадцать присяжных. И они должны прийти к единогласному решению.

– Это так, – согласилась Морган. – Я чувствовала себя ужасно в разговоре с миссис Оландер, но я не увидела никаких перспектив в подаче апелляции.

– Ты была с ней честна. Ты – судебный адвокат и чертовски хороша на этом поприще. Ты не обязана браться за любое дело, которое тебе предлагают. У тебя есть и другие клиенты.

– Но никто из них не находится сейчас в таком тяжелом положении.

– Все дела не могут быть громкими. Тот старшеклассник, которому светит месяц в тюрьме за вандализм, тоже нуждается в твоей помощи. Ты должна прислушиваться к тому, что подсказывает тебе интуиция. Если чуйка говорит тебе, что дело нечистое, значит, там и правда что-то не так.

– Ты прав, – Морган допила воду и поставила стакан на стол. Я должна контролировать, каких клиентов брать. Чем проще случай, тем лучше. И у меня нет никакого желания работать по сто часов в неделю.

– Ты моя умница! – Ланс повернулся лицом к Морган и положил ей на плечи руки. – В этом самое большое преимущество быть самозанятым. Я люблю ужинать дома с детьми.

– И я. Семейные ужины очень важны.

С полгода назад дом Ланса сгорел дотла; он переехал жить в семью Морган и крепко подружился с тремя ее маленькими дочурками. Да и привязался к ним всем сердцем и душой. А девочки буквально обожали его и уже видели в нем своего будущего приемного отца. Они даже предпочитали, чтобы именно он читал им на ночь книжки. А парень с таким усердием пытался озвучивать каждого персонажа, что девочки нередко прыскали со смеху, что, естественно, только перебивало им сон.

Девочки не тосковали по своему биологическому отцу так, как Морган. Только у самой старшей из них, теперь уже семилетней, еще теплились в памяти какие-то слабые воспоминания о нем. Морган радовалась тому, что ее дочки были счастливы. Конечно, мысль о том, что они почти забыли родного отца, печалила молодую женщину, но она тщательно скрывала это в себе.

Пальцы Ланса скользнули по рукам Морган вниз и сжали ее кисти:

– До нашей свадьбы осталось всего две недели. У нас нет времени на сложные и запутанные дела, требующие длительного расследования.

– Да, времени нет! – Морган постаралась выбросить из головы все мысли об утренней встрече. Она заслуживала того, чтобы наслаждаться каждым мгновением предсвадебного волнения. – Лучше расскажи мне, куда мы поедем в наш медовый месяц? Мне же нужно собрать вещи.

– Там будет тепло, – лукаво усмехнулся Ланс. – Это все, что я могу тебе сказать. Остальное – сюрприз!

– Это несправедливо!

– Твоя сестра позаботится о том, чтобы ты подготовилась должным образом, – улыбка Ланса стала самодовольной.

Но не успела Морган пожурить Ланса за сокрытие маршрута их свадебного путешествия, как резкий, безошибочно различимый звук выстрела ворвался в открытое окно кухни.

Глава четвертая

При звуке выстрела рука Ланса рефлексивно схватилась за пистолет. Точно так же автоматически парень задвинул Морган за свою спину. Разумом он понимал, что ей не требуется его защита, но сердцу было все равно.

Морган опустилась на колени и, пригнув голову, спряталась за кухонным столом. Сжав в руке свой собственный пистолет, она прошептала:

– Ты можешь определить, откуда донесся выстрел?

Ланс помотал головой и, тоже пригнувшись, подкрался к окну и приподнял глаза над карнизом. Маленький задний двор казался пустынным и тихим. Потянувшись, Ланс притворил створку рамы и закрыл окно. Затем развернулся и на короточках выбрался из кухни в прихожую. Морган последовала за ним.

– Шарп! – позвал Ланс.

– Я здесь, – отозвался голос из его кабинета. Ланс и Морган проскользнули внутрь. Большое окно в кабинете Шарпа – комнаты, изначально предназначавшейся в этой квартире под гостиную, – выходило на улицу. Шеф Ланса, частный детектив Линкольн Шарп, с пистолетом в руке обводил взглядом оконную раму; его худощавое лицо было мрачным. Впрочем, благодаря регулярному выполнению целого комплекса физических упражнений, строгому соблюдению диеты, основанной на преобладании в рационе растительной пищи, и исключительному упорству, этот отставной полицейский офицер даже в свои пятьдесят три года оставался в лучшей форме, чем большинство его более молодых бывших коллег.

– Вы можете сказать, откуда стреляли? – спросил его Ланс.

– Оттуда, – Шарп кивнул на улицу. – Видишь там кого-нибудь?

– Нет, – изогнувшись, Ланс пристроился по другую сторону окна.

Обсаженная деревьями улица была совершенно безлюдной.

– А вы успели кого-нибудь заметить?

– Я вижу только вон тот фургон, припаркованный на противоположной стороне улицы перед бухгалтерской фирмой.

Ланс вперил взгляд в белый минивэн, стоявший у тротуара. От его стекла отражался солнечный свет.

– Я не могу разглядеть, есть ли кто в салоне.

– Может, мне позвонить на 911? – спросила Морган. – Мы уверены, что это не был хлопок из выхлопной трубы?

Худощавое лицо Шарпа сморщилось:

– По мне, так это был самый настоящий выстрел, но, возможно, и просто хлопок, – детектив направился к двери: – Давайте выйдем и проверим.

Ланс направился следом за Шарпом. Кинув через плечо взгляд на Морган, парень сказал:

– Оставайся здесь и веди наблюдение. Кто-то должен иметь возможность вызвать полицию.

Морган кивнула и заняла позицию с края от окна.

В коридоре Шарп двинулся в заднюю часть дома:

– Мы выйдем через заднюю дверь и обойдем дом.

Им действительно не следовало выходить через переднюю дверь. Вдруг на улице находился стрелок?

Они зашли на кухню. Ланс проверил задний двор. Он по-прежнему был пустынным. Парень занял позицию позади шефа. Его пульс застучал в глотке, когда Шарп выскользнул за дверь. Они крадучись пересекли заднее крыльцо и перепрыгнули через перила в боковой двор. А потом, прячась в тени дома, быстрыми перебежками добрались до его переднего угла.

И плечом к плечу прижались спинами плотно к стене.

Шарп выглянул из-за угла:

– Вроде никого.

– Я перебегу к дереву на тротуаре, – предложил Ланс.

Шарп кивнул и занял позицию прикрытия.

Ланс стрелой обогнул кустарник и, пригнувшись, побежал через передний двор. Остановившись у дуба, он вжался спиной в его кору, просканировал улицу в обоих направлениях и напряженно прислушался. Но адреналин – как и эхо его сердцебиения – заглушил почти все внешние шумы.

Взгляд Ланса упал на минивэн, припаркованный на другой стороне улицы. Отраженный солнечный свет превратил его окна в зеркала. Оглянувшись на Шарпа, Ланс махнул рукой в сторону фургона. Шарп стукнул себя по груди и указал жестом на дерево. Ланс дождался, когда шеф пересечет лужайку и присоединится к нему возле дерева, а потом трусцой перебежал проезжую часть улицы. Затем обошел минивэн и замер на газоне перед бухгалтерской фирмой.

С этой позиции Ланс отлично разглядел салон машины. На руле лежала чья-то фигура.

Ланс приблизился, не сводя глаз с передних и задних сидений. Обойдя фургон, он сложил кисть руки домиком над глазами и вперил взгляд в тонированное стекло. Грузовой отсек был пуст.

Ланс устремился к передку минивэна. При первоначальном осмотре он концентрировался на обнаружении возможных угроз. Теперь, удостоверившись, что в машине больше никого не было, он снова переключил свое внимание на водителя.

Даже после услышанного выстрела картина увиденного шокировала парня.

Внутренняя сторона водительского окошка и передний угол лобового стекла были забрызганы кровью. Ланс переместился к окошку со стороны пассажирского сиденья ради более хорошей обзорности.

Это была женщина, совсем недавно покинувшая кабинет Морган. В ее виске, прямо над правым ухом, зияло крошечное отверстие. Ее правая рука лежала на сиденье сбоку от бедра. Растопыренные пальцы тянулись к какому-то предмету на полу. А предметом этим был «Глок-43».

– Огнестрел, звони на 911, – подолом своей футболки Ланс попробовал открыть дверцу минивэна. Закрыта. Он снова обошел машину и попытался открыть водительскую дверцу. Тоже закрыта. И стекла во всех окнах были подняты.

Держа у уха телефон, Шарп пересек улицу. Сообщив диспетчеру адрес, он отнял мобильник от лица:

– Может, она еще жива?

– Сомневаюсь.

Но такая возможность, даже при минимуме шансов, заставила Ланса пренебречь сохранением улики. Перевернув пистолет, он рукояткой разбил стекло в водительской дверце, засунул в салон руку и приложил два пальца к шее женщины:

– Она мертва.

Шарп передал информацию по телефону, затем повернулся и отошел на несколько шагов в сторону.

Ланс убрал пистолет в кобуру, вытащил из кармана свой телефон и начал фотографировать. Собственные снимки не мешают – вдруг возникнут вопросы о гибели этой женщины. Полиция не всегда делилась информацией. Стоило появиться на месте правоохранительным органам, и о доступе к машине они могли забыть.

Нагнувшись и прищурившись, Ланс взгляделся в брызги на внутренних сторонах окон. Помимо крови к стеклам прилипли крупницы костей и мозгового вещества. Ланс наклонился еще ниже – рассмотреть лицо и голову женщины. Ее глаза были открыты и пусты. Ланс прове-

рил окна со стороны пассажирского сиденья, но пулевых отверстий в них не нашел. Никаких признаков того, что пуля влетела внутрь салона снаружи.

На пассажирском сиденье лежала коричневая сумочка – открытая. Валявшийся на полу «Глок-43» был легкой, компактной моделью пистолета под патрон 9х19 мм – отличный выбор для скрытого ношения оружия. Неужели женщина достала его из своей сумочки?

Внутри у Ланса все похолодело. Миссис Оландер наверняка держала пистолет при себе во время встречи с Морган. На тротуаре позади него цокнул каблук. Обернувшись, Ланс увидел Морган; она стояла от него в нескольких футах и растирала руки. Узкая серая юбка и шелковая блузка явно не способны были защитить ее от утреннего холода. А длинные черные волосы были стянуты на затылке в узел.

– Кто это? – тихо спросила Морган.

Ланс выпрямился и загородил ей вид на тело.

– Женщина, которая была у тебя на консультации.

– С ней все в порядке? – Морган попыталась заглянуть за спину Ланса.

Он отодвинулся и положил ей руку на плечо.

– Нет. И ей уже не помочь. Она мертва.

Лицо Морган на несколько секунд сковал ужас. А потом она с силой тряхнула головой:

– Не понимаю, чего тут удивительного. Мы же слышали выстрел.

Морган несколько лет проработала прокурором, а после того, как она открыла свою собственную адвокатскую фирму по уголовным делам, они вместе с Лансом расследовали несколько дел об убийствах. Морган и раньше доводилось видеть мертвые тела. Ее не нужно было оберегать от подобного зрелища, да только Ланс попытался сделать это рефлексивно.

Парень опустил руку, и Морган решительно его обошла. И ему осталось только наблюдать за тем, как она старалась держать себя в руках, изучая тело и автомобиль. Лицо молодой женщины исказила печаль. Морган всегда отличалась чрезмерной эмпатией. И ее неприятие любого насилия по отношению к обвиняемым и те последствия, к которым это подчас приводило, заметно затрудняло ей работу и в то же время придавало Морган сил и страсти в борьбе за своих клиентов.

Губы молодой женщины сжались:

– Самоубийство?

– Похоже на то.

Морган метнула на парня взгляд.

– В этом нет твоей вины, – сказал Ланс.

– Я знаю, – криво усмехнулась Морган. Но по всему ее лицу разлилась ответственность. Сердце не всегда приемлет то, что говорит ему разум.

– Я серьезно.

– Она покончила с собой через несколько минут после ухода из моего кабинета, – Морган обхватила себя руками за талию. – Она сказала, что я – ее последняя надежда. А я отказалась взяться за ее дело.

– Ты ни в чем не виновата, – повторил Ланс более твердым голосом.

Вдалеке провыла сирена, и он поспешил убрать свой мобильник в карман.

Шарп тоже опустил свой телефон. Все трое отступили на несколько футов от автомобиля. Патрульная машина департамента полиции Скарлет-Фоллз припарковалась в нескольких ярдах от минивэна.

Из нее вылез офицер Карл Риптон. Шарп с Лансом работали с Риптоном в полиции Скарлетт-Фоллз. Карл убедился, что жертва мертва, и подошел к Шарпу, Лансу и Морган:

– Что тут произошло?

– Мы услышали выстрел, – Шарп коротко пересказал Риптону обстоятельства обнаружения тела.

Карл направился к своей машине, чтобы сделать несколько звонков. Через несколько минут он возвратился назад с маленьким блокнотом и ручкой. Разделив Шарпа, Ланса и Морган, он поочередно взял показания у каждого из них и попросил обождать на тротуаре.

– Медэксперт уже едет, – с этими словами Риптон достал из своего автомобиля фотокамеру и начал делать снимки и записи в блокноте.

Через полчаса прибыли медэксперт и детектив Стелла Дейн, сестра Морган. Они осмотрели тело и посоветовались с Карлом. Команда медэксперта вытащила из своего фургона каталку. На ней уже лежал расстегнутый черный мешок для трупа. На тротуаре начали собираться зеваки. Вытягивая шеи, они пытались разглядеть тело.

Стелла бросила взгляд на ротозеев и повернулась к Морган, Лансу и Шарпу:

– Мы можем зайти внутрь поговорить?

– Конечно, – Шарп возглавил процессию к главному входу. – Я еще соберу записи с наших камер наблюдений, – детектив нырнул в свой кабинет.

– Отлично, – Стелла последовала за Морган и Лансом на кухню.

Присев за рабочий стол рядом с сестрой, она достала из кармана маленький блокнотик:

– Расскажи-ка мне о своей клиентке.

– Миссис Оландер не была моей клиенткой, – поправила Морган Стеллу и в подробностях пересказала свою беседу с миссис Оландер. Ланс подтвердил время ее прихода и ухода.

– Значит, никто из вас не видел ее после того, как она вышла на улицу, – уточнила Стелла.

– Да, это так, – кивнула Морган.

На кухню зашел Шарп со своим ноутбуком и положил его на стол:

– Все здесь.

Он коснулся клавиатуры, чтобы оживить ноутбук. Экран засветился, и Шарп нажал клавишу «Просмотр».

На экране миссис Оландер вышла из здания, пересекла улицу и села в свой минивэн. Как только она закрыла дверцу автомобиля, ее фигура превратилась в размытое пятно за стеклом. Какое-то время она вроде бы просидела неподвижно.

Ланс представил себе, как она всматривалась в лобовое стекло, полная безнадежности. А потом ее тень шевельнулась.

Бесшумное распыление красных брызг по внутренней стороне стекла заставил их всех вздрогнуть. Ланс почувствовал приступ тошноты. В течение нескольких секунд никто из них не проронил ни слова.

Потом Шарп прокашлялся и указал на экран:

– Минивэн попал в объективы обеих камер на переднем фасаде, но одна из них оказалась под плохим углом. На ней видны только солнечные блики.

Но я вам все равно отдам обе записи.

– Вы просмотрели видеозапись дальше? – поинтересовалась Стелла. – Никто не приближался к минивэну? Не вылезал из него?

Шарп нажал на клавишу быстрой перемотки вперед:

– Как видите, никого больше не было, пока мы не обнаружили тело. Я скачал весь фрагмент записи вплоть до прибытия Карла.

– Хорошо, – вздохнула Стелла и кивнула. – Это значительно облегчит мне работу.

Хотя картина самоубийства от этого не стала яснее.

– Я приготовлю чай, – Шарп налил чайник и зажег конфорку под ним. Затем опустил в керамический чайник заварочный шарик и, когда чайник засвистел, влил в него кипяток и перенес на стол вместе с четырьмя кружками.

Морган не возражала, хотя Ланс был уверен: она бы предпочла кофе. Но в тот момент Морган, должно быть, тоже испытывала тошноту, как и он. К тому же они все понимали: когда Шарп вживается в роль «матери-наседки», его не остановить. И не переспорить. Шарп не желал

жить в своем стиле нео-хиппи в одиночку. Он хотел распространить его на всех, кто его окружал.

Детектив налил всем чай.

– Спасибо, – поблагодарила Стелла, добавив ложечку сахарного песка в свою кружку.

В этот момент зазвонил телефон Шарпа; он извинился и вышел из кухни – ответить на звонок. Его голос затих.

Стелла сделала еще несколько пометок в своем блокноте и убрала его в карман:

– С учетом видеозаписей и ваших показаний, миссис Оландер, скорее всего, совершила суицид. Я пока не усматриваю в ее смерти никаких признаков насилия.

– Эта женщина явно находилась в крайне подавленном состоянии из-за приговора ее сыну, – добавила Морган голосом, пропитанным чувством вины.

Ланс положил ей на руку свою руку, и Морган в знак признательности одарила его слабой улыбкой.

– Я дам вам знать, когда медэксперт произведет аутопсию и объявит официальную причину смерти, – мобильник Стеллы зажужжал, и она опустила глаза на его экран. – Мне надо идти. Так много преступлений. Так мало времени.

– А где Бруди? – спросил Ланс.

Стелла была одной из двух агентов сыскной полиции Скарлет-Фоллз.

– Бруди в отпуске, – ответила она. – Вместе с Ганной попивает ром на пляже острова Аруба.

– Хорошо им, – Ланс поднялся, чтобы проводить Стеллу до входной двери. Проходя по коридору, он увидел Шарпа, разговаривавшего по телефону в своем кабинете. Необычная напряженность в его позе привлекла внимание парня.

Шарп повернулся – мрачнее тучи.

Похоже, что-то случилось.

Глава пятая

– Сделайте глубокий вдох, – Шарп попытался успокоить миссис Круз, но страх в ее голосе сжал и его горло крепкой хваткой.

– Оливия дала мне номер вашего телефона на случай чрезвычайной необходимости, – произнесла его собеседница. – Надеюсь, я не помешала вам своим звонком. Я просто не знаю, кому еще звонить.

Чрезвычайной необходимости?

У Шарпа засосало под ложечкой:

– Что произошло?

– Оливия должна была приехать сюда еще несколько часов назад, чтобы отвезти меня к врачу, – миссис Круз заговорила быстрее, срочность невольно ускорила ее темп речи. – Я сначала подумала, что у нее сломалась машина. И на прием к врачу меня отвез муж. Но сейчас я уже дома и звоню Оливии и на мобильный, и на ее стационарный телефон, а она не отвечает, – миссис Круз всхлипнула: – Она не могла обо мне забыть.

– Нет, мэм, не могла, – Шарп провел рукой по своему свежему «ежику» на голове, мысленно прокручивая разные варианты. Двадцать пять лет своей работы следаком в полиции Скарлет-Фоллз не прошли для него даром. В голову сразу же полезли самые худшие сценарии. Но пугать ими миссис Круз было бесполезно, да и жестоко.

– На какое время у вас был назначен прием у врача? – спросил Шарп.

– На половину десятого утра, – ответила миссис Круз еще более высоким, почти срывающимся голосом.

Шарп бросил взгляд на часы. Одиннадцать тридцать.

– Возможно, у Оливии действительно возникли проблемы с машиной, или случилась какая-нибудь поломка в квартире.

– Она бы тогда позвонила, – отвергла его предположение миссис Круз.

– Между Скарлет-Фоллз и Олбани имеются места, где сотовая связь очень плохая. Я поеду, проведаю ее прямо сейчас.

– Вы позвоните мне, когда ее найдете? – шмыгнула носом миссис Круз.

– Обязательно. Только постарайтесь успокоиться, не надо впадать в панику. Я скоро вам позвоню, – Шарп нажал кнопку отбоя и тут же набрал номер Оливии. А затем послал ей эсэмэс – на тот случай, если она и правда находилась вне зоны доступа. Иногда сообщения прорываются туда, куда не проходят звонки. И хотя Оливия редко брала трубку стационарного телефона – на него ей звонили только мать да телемаркетеры – Шарп попробовал дозвониться до нее и по домашнему номеру. После трех гудков сработал ее цифровой автоответчик. Шарп и на нем оставил сообщение для Оливии.

Опустив свой мобильник в карман, он вернулся на кухню. Стелла уже ушла.

– Звонила мать Оливии, – Шарп сообщил новости от нее Лансу и Морган. – Я поеду к ней домой. Оливия рассказала мне об этом приеме у врача вчера вечером по телефону. Она собиралась отвезти туда мать.

– Я поеду с вами, – шагнул Ланс следом за шефом.

Они оба направились к двери.

Подъездную дорогу к фирме «Расследования Шарпа» перегородил фургон медэксперта. Двое его помощников завозили каталку в его грузовой отсек. Черный мешок, в который уложили тело, уже был застегнут на молнию наглухо.

– Вы вдвоем поезжайте, – нахмурила брови Морган. – А я останусь здесь на всякий случай. Вдруг Карлу что-нибудь понадобится. Дайте мне знать, когда найдете Оливию.

– Хорошо. Спасибо, – Шарп достал из кармана ключи.

– Поведу я, – устремился Ланс к своему джипу. – Ваша машина заблокирована.

Шарп неохотно направился за ним, убирая ключи снова в карман.

– Карл, Морган в агентстве, если что, – бросил на ходу Ланс полицейскому.

– Спасибо, – отозвался тот. – Я поджидаю эвакуатор.

Помахав руками Карлу, детектив и его молодой помощник уселись в джип. Ланс вырулил за минивэн миссис Оландер и помчал кратчайшим путем к дому Оливии.

Через несколько минут он уже припарковался у ее бунгало. Шарп осмотрелся по сторонам, выискивая глазами признаки чего-то неладного. Но дом Оливии выглядел совершенно нормально. Они вышли из джипа. Шарп подошел к входной двери в гараж и, прикрыв глаза обеими руками, вперил взгляд в окошко. Место, где обычно Оливия ставила свою машину, пустовало. Неужели она уехала из дома, позабыв о просьбе матери?

Это не было похоже на Оливию. Накануне вечером она помнила о визите миссис Круз к врачу. Оливия единственная из ее дочерей оставалась незамужней. И, естественно, к ней первой мать всегда обращалась за помощью. Оливия души не чаяла в своих родителях.

Сзади к шефу приблизился Ланс.

– Ее здесь нет, – Шарпом начало завладевать беспокойство.

Ланс кивнул:

– Давайте проедем по маршруту от ее дома до дома родителей.

В груди Шарпа разлилась тревога.

– Вы же разговаривали с ней по телефону вчера вечером? – уточнил Ланс.

Шеф поспешил обратно к джипу:

– Да, она собиралась ложиться спать. Не очень хорошо себя чувствовала, – В сердце Шарпа закралось подозрение.

– Приболела?

– Да нет, просто расстройство пищеварения.

Она бы позвонила ему, если бы почувствовала себя хуже? Ведь так? Были ли их отношения уже настолько близки для этого? Они никогда не заговаривали о каких-либо обязательствах друг перед другом. Оба были независимы и опасались показаться навязчивыми и приставучими. Оба перегорели в прошлом, и у обоих какое-то время не было никаких романтических отношений. И Оливию вроде бы вполне устраивало (как и самого Шарпа), что он не торопил события.

Но внезапно Шарп почувствовал себя крайне одиноким.

– Давайте не будем забегать вперед, – сказал Ланс, направляя джип к шоссе, бегущему из города. – Если что-то выглядит как лошадь и пахнет лошадью, не надо искать зебру! Это же ваши слова?

– Мои, – пробурчал Шарп, буравя глазами обочину дороги. И попытался стереть бедственный сценарий, нарисовавшийся в его воображении. – У Оливии в машине нет запаски. Если у нее спустило колесо и ремонтного комплекта оказалось недостаточно, она должна была вызвать техпомощь. Но если ей не удалось поймать сигнал сотовой связи, она могла отправиться за ней пешком.

Но неужели у нее мобильник не ловил целых три часа?

– Почему бы не задействовать Морган? – Ланс свернул направо у знака «Стоп» и прибавил газа. – Пусть пока обзвонит полицейские участки и больницы между Скарлет-Фоллз и Олбани. Это, конечно, преждевременно, но вам так будет спокойнее.

Но Шарпу эти меры преждевременными не показались:

– Хорошая идея...

– Если хотите, я могу еще позвонить матери и узнать у нее – может ли она проверить мобильник Оливии, – предложил Ланс. Его мать страдала от депрессии и повышенной тревожности и редко покидала свой дом. Но она была компьютерным гением и часто помогала им

в расследованиях. Поиск сотового телефона Оливии без ордера был отчасти сопряжен с незаконным хакингом, но Шарп ни на секунду не усомнился, что Оливия и не подумает жаловаться.

– Позвони, – кивнул он напарнику.

Не останавливаясь, Ланс переговорил по громкой связи сначала со своей матерью, потом с Морган. К тому моменту, как звонки были сделаны, он уже выехал с шоссе на федеральную автостраду. Шарп сел прямее и еще сосредоточеннее стал изучать окрестности дороги. Оливия могла съехать с обочины. Рельеф изобилдовал канавами, оврагами и озерцами. Автомобиль Оливии мог оказаться спрятанным в подлеске. Или утопленным под водой.

Чем дольше они ехали, не находя никаких следов Оливии, тем сильнее колкий холодок сковывал нутро Шарпа.

Неподалеку от дома ее родителей в Олбани Ланс снизил скорость.

– Мне остановиться возле их дома?

– Не надо, – Шарп не хотел терять время.

Ланс развернул джип. И всю обратную дорогу до Скарлет-Фоллз Шарп так же внимательно изучал местность.

Он не заметил ни одного брошенного автомобиля на обочинах, никаких брешей в лесной зелени, указывавших на то, что машина могла съехать с дороги. Канавы тоже пугали пустотой.

Где же она?

Шарп потерял себе грудь. Перед его мысленным взором всплыл образ Оливии в ее необыкновенно женственном плаще свободного покроя, столь любимых ею туфлях на острых каблуках и с озорными искорками в темных глазах.

Ланс свернул с федеральной трассы на эстакаду для съезда на шоссе, ведущее в Скарлет-Фоллз:

– Куда вы хотите поехать сейчас?

– Обратно к дому Оливии, – Шарп устрасился одной мысли о том, что ему придется позвонить миссис Круз и признаться ей, что он не нашел никаких следов ее дочери.

На приборной доске зажужжал телефон Ланса.

– Это моя мать, – он поставил звонок на громкую связь. – Привет, ма! Ты на громкой связи в машине. Шарп со мной рядом.

– Привет, Шарп, – вырвался из автомобильного динамика голос Дженни Крюгер. – Я попробовала отследить по GPS мобильник Оливии, но сигнала нет.

– Никакого? – опасения детектива резко возросли.

– Нет, – ответила Дженни. – Вообще никакого сигнала. Мне очень жаль. Последний звонок с ее мобильника был сделан тебе, вчера в одиннадцать вечера. Из ее дома.

Отсутствие сигнала могло означать, что Оливия находилась вне зоны покрытия сети. Либо... что батарея из ее телефона была вынута или повреждена.

Ланс припарковался у дома Оливии. Шарп выскочил из джипа и бросился бегом по вверх дорожке.

Ланс поспешил за ним вдогонку. Почти у самой двери он схватил шефа за руку:

– Не торопитесь.

– Что-то случилось, – Шарп остановился и перевел дух. Боль в груди вытеснила холодная, гнетущая пустота.

– Тем более нужно соблюдать все меры предосторожности, – Ланс опустил руку в карман своих карго и протянул шефу пару перчаток. – Мы же не хотим уничтожить улики.

Шарп неохотно взял перчатки и натянул их на руки. Ему не хотелось и мысли допускать о преступлении, совершенном в доме Оливии.

Ланс был не просто его партнером; Шарп считал его почти сыном. Когда Лансу было десять, пропал его отец. Шарпу, как детективу полиции Скарлет-Фоллз, поручили вести его дело. Он не нашел тогда Виктора Крюгера. А узнав, что Дженни Крюгер страдала тяжелыми

приступами тревожности и оказалась не в состоянии ни справиться с исчезновением мужа, ни с воспитанием сына, Шарп пришел ей на помощь.

Он и сам тогда переживал плохие времена, разведясь с женой и потеряв напарника, убитого при исполнении. И в конечном итоге, Ланс и Дженни Крюгер стали частью его семьи. Шарп, естественно, встречался с женщинами в последующие двадцать лет, но никого не подпускал к себе близко. Пока... пока в его жизни не появилась Оливия.

И кто бы мог подумать, что его сердце покорит журналистка?

Но Оливии Круз это удалось.

Шарп сглотнул свой страх и отпер входную дверь ключом, который Оливия дала ему несколько недель назад. Открыв дверь, он шагнул внутрь. Ланс проследовал за шефом по коридору на кухню. Система охранной сигнализации надрывно пищала. Шарп набрал на панели код для ее отключения.

– Вы можете проверить историю системы? – заглянул через его плечо Ланс.

Шарп нажал на несколько кнопок и уставился на экран:

– В два тридцать ночи система была деактивирована и переведена в режим «Away», как при уходе из дома, – Шарп переместился в центр кухни и критическим взглядом обвел помещение. – Куда она могла поехать посреди ночи? – Зря он не интересовался у Оливии ее текущим журналистским расследованием. В груди Шарпа снова защемило.

– А она прежде срывалась из дома так поздно?

– Нет, насколько я знаю, – пробормотал Шарп. Но ведь он не ночевал у нее еженощно. Они проводили вместе пару ночей в неделю, а потом каждый возвращался в свое личное пространство.

– Она бы позвонила вам, если бы собралась на встречу с кем-то так поздно?

– Думаю, нет, – Шарп постарался загасить раздражение. Оливия не обязана была звонить ему перед каждым уходом из дома. И он не считал нужным уведомлять ее, если ему приходилось работать ночью.

Шарп обошел кухню:

– Она собирала материал для своей новой книги. Это все, что мне известно.

А теперь ему нужно было посмотреть в лицо фактам. Он спал с Оливией уже несколько месяцев и все же знал о ней очень мало.

Телефонный звонок прошлым вечером был первым знаком того, что она захотела поделиться с ним деталями своего расследования. Они спали, но свою работу друг с другом не обсуждали.

– А где она хранит ключи, сумочку, телефон, когда дома? – Ланс обошел кухню, изучая поверхности.

– На столе, – указал Шарп. Но стеклянный квадрат был пуст. – Она практически всегда носит телефон с собой из комнаты в комнату. Посреди ночи он должен был лежать на ее прикроватной тумбочке.

Шарп направился в коридор. Ланс – за ним. Они прошли в спальню Оливии. Одеяло валялось на полу.

– Оливия всегда заправляет постель, как только встает, – Шарп почувствовал, как дрогнул его голос, и постарался ни к чему не прикасаться. Если дом Оливии стал местом преступления, улики необходимо было сохранить.

От слов «место преступления» страх в груди Шарпа зашевелился с удвоенной силой.

– Возможно, она очень торопилась, – поспешил сказать Ланс. Они с Морган жили с тремя детьми, двумя собаками, няней, бабушкой Морган и, казалось, бескончаемыми проектами по ремонту. Для них хаос был более нормальным, чем порядок. Но Оливия явно преуспевала в организации домашнего хозяйства.

– Оливия любит, чтобы все вещи были разложены по полочкам – каждая на своем месте, – Шарп вышел из спальни. При поверхностном осмотре все, кроме одеяла на полу, было как обычно. Детектив прошел во вторую спальню, которую Оливия превратила в рабочий кабинет. Ее ноутбук лежал в центре стола. Шарп поднял крышку. Доступ к содержимому ноутбука оказался защищен паролем. – У меня есть ключ от ее дома, мне известен код ее системы охранной сигнализации, но она никогда не сообщала мне пароль ее ноутбука.

Профессии обоих требовали соблюдения конфиденциальности. Шарп тоже не делился с Оливией информацией о своих клиентах. За последние пять лет Оливия, по существу, превратилась из журналистки в настоящую писательницу, автора криминальных романов. Но для Шарпа она так и оставалась репортершей (и это вызвало у него некоторую настороженность). Ланс прошел назад через кухню к двери, что вела в прачечную.

– Шеф! Идите сюда!

Шарп поспешил присоединиться к напарнику в узком коридоре. Ланс указал на дверь:

– Она ведет в гараж?

Шарп кивнул. Его взгляд проследил за указательным пальцем Ланса и остановился на темном мазке на белом багете вокруг двери. – Похоже на кровь, – произнес Ланс.

– Есть только один способ это проверить. У тебя в машине имеется набор для обнаружения следов крови? – спросил Шарп; его лицо напряглось.

– Увы, нет, – пожал плечами Ланс. – Мы ведь больше не копы. Не берем мазки и не изымаем улики. Только «следим». Я позвоню Стелле, она это устроит. А еще я позвоню Морган. Пусть подъедет. Она может заметить то, что упустили из виду мы.

Ланс отступил в сторону, чтобы сделать звонки.

Шарп присел и вперил долгий, пристальный взгляд в дверной багет. Красивое дерево портили мелкие царапинки. Глаза детектива скользнули по всей длине двери. К мягкой замазке вокруг рамы что-то прилипло. Что-то ярко-розовое. Отломанный ноготь! Впился в ярко-белый герметик.

Сердце Шарпа сжалось. Он вспомнил цвет лака, который был на ногтях Оливии, когда она гладила его голую грудь две ночи назад.

Ярко-розовый...

У Шарпа перехватило дыхание, в груди защемило, и он невольно поднес к ней руку.

– Шеф! – схватил его за локоть Ланс.

– Я в порядке, – указал на ноготь детектив.

Ланс изучил замазку и выпрямился; лицо парня заметно помрачнело.

– Морган скоро подъедет. Стелла не ответила на звонок. Я оставил ей сообщение. Не хотите вызвать полицию?

– И что я им скажу? – нервно переспросил Шарп. – Что Оливия не отвезла мать на прием к врачу, что она не заправила постель и сломала ноготь, выходя из дома? Мы с тобой оба понимаем, что этого недостаточно для возбуждения дела об исчезновении человека.

Шарп бросился к джипу Ланса за ручным электрическим фонариком. Он постарается как можно меньше прикасаться к поверхностям, но помешать ему в поиске ключей к тайне пропажи Оливии не сможет никто!

Когда он вернулся в прачечную, Ланс уже пометил темное пятно и место, где застрял сломанный ноготь, желтыми стикерами.

Шарп попробовал гаражную дверь:

– Запорный штифт закрыт. А это значит, что дверь закрыли изнутри или с помощью ключа, – детектив отомкнул штифт и вошел в гараж. В нем было так же чисто и опрятно, как и во всем доме Оливии. Ее велосипед стоял в стойке у стены. Напротив, за пустым пяточком, на котором Оливия обычно ставила машину, все самые нужные инструменты были подвешены с

помощью крючков на перфорированной панели над небольшим рабочим столом. На бетонном полу не было ни пылинки. Шарп осветил пол фонариком. Никаких следов...

– Я думал, она любит заниматься садом, – Ланс осмотрел все пространство. – Но здесь нет даже пятнышка грязи.

– За гаражом имеется сарай, в котором Оливия хранит грязные вещи и инструменты, – пояснил Шарп. Что-то блестящее привлекло его внимание.

Детектив нагнулся.

– Что это? – поинтересовался Ланс.

Шарп опознал сережку-гвоздик с крошечным бриллиантом из комплекта Оливии:

– Сережка.

Ланс прилепил к бетону возле нее желтый стикер. Внимательно осматривая пол, прежде чем переставить ногу, Шарп двигался по кругу. У основания подъемной двери, задом к которой Оливия обычно ставила свой «Приус», блеснул металл.

– Тут вторая сережка.

– Может, она вытаскивала из автомобиля что-то громоздкое, задела мочки ушей и сережки расстегнулись? – предположил Ланс.

– Не знаю... – пробормотал Шарп. Версия Ланса ему не понравилась.

– Я мог ей купить потерянную сережку. Но чтобы сразу две? И этот сломанный ноготь в дверном косяке?

Они вернулись в дом. Шарп потерял солнечное сплетение. Страх за ним свился в тугой шар.

Где же она?

Глава шестая

Морган проводила глазами эвакуатор, увезший на своей безбортовой платформе автомобиль миссис Оландер. От тротуара отделилась патрульная машина и последовала за ним.

Морган перевела взгляд на опустевшее место, где еще недавно был припаркован минивэн. Порыв ветра подхватил несколько опавших листьев, и они, кувыркаясь, слетели в водосточную канаву. На улице не осталось никаких признаков того, что несколько часов назад на ней свела счеты с жизнью несчастная женщина.

Я в этом не виновата!!!

Морган осознавала, что будет нелегко стереть из памяти отчаяние и удрученность миссис Оландер. Но найти Оливию стало сейчас приоритетной задачей, и Морган испытала облегчение, заперев кабинет и выйдя из здания. Через несколько минут она уже подъехала к бунгало Оливии Круз. Шарп открыл ей входную дверь, Морган прошла за ним на кухню.

Ланс пересек комнату и чмокнул ее в щеку.

– Что по больницам? – он не стал ее спрашивать про морги, хотя знал, что Морган и их обзвонила.

– Ничего, – ответила она. – Я проверила все больницы в радиусе ста миль отсюда. Никаких следов ни Оливии, ни любой другой неизвестной женщины, по описанию похожей на нее.

– Пойду осмотрю дом снаружи, – Ланс вышел на улицу.

Шарп кружил по кухне, как загнанный в ловушку зверь. Сердце глядевшей на него Морган обливалось кровью. Шарп мало кого допускал в свой маленький мирок, но в Оливию он влюбился сильно, по-настоящему, хоть и не хотел в этом признаваться даже себе самому.

Подъехала Стелла. Морган пустила сестру в дом и провела на кухню.

– У вас есть ключ? – спросила Стелла Шарпа.

– Да, – кивнул тот. – И коды системы охранной сигнализации. Спасибо, что приехали. Следователи обычно не входят в число специалистов оперативного реагирования.

На вызов обычно приезжал полицейский на патрулировании. И он же составлял первичный рапорт. Следователя на место происшествия вызывали, как правило, только в том случае, если патрульный находил доказательства умышленных действий.

Шарп проводил Стеллу в прачечную, показал ей сломанный ноготь и рассказал о звонке матери Оливии. Потом показал Стелле сережки в гараже. Всегда держащий себя в руках, сейчас он вел себя крайне взбудораженно. Его движения были резкими, порывистыми, нервными, а голос предательски подрагивал, когда он описывал крошечные и, казалось бы, случайные улики.

Стелла записала все его слова в свой блокнот.

– Значит, когда вы приехали, дом был заперт, а сигнализация включена? – уточнила она.

– Да, – ответил Шарп. – Сигнализация была отключена и снова активирована в 2:13 ночи.

– Оливия должна была также встретиться с нами в офисе, сегодня после обеда, – добавила Морган.

Стелла прошла по дому. Проверила двери, окна и вернулась на кухню.

– Я не вижу никаких признаков взлома или борьбы. Наверное, Оливия уехала на встречу с кем-то. Возможно, в связи с книгой, над которой она в настоящее время работает. Это наиболее вероятное объяснение.

– Дженни Крюгер уже отследила ее мобильник. Сигнала нет. Последний раз Оливия разговаривала по телефону со мной, в одиннадцать вечера. Но я не проверял стационарный телефон, – Шарп потянулся к трубке и проверил журнал звонков на внешнем экране. – Два пропущенных звонка из фирмы по маркетинговому исследованию рынка. Оба за сегодня. Ночью звонков не поступало.

Стелла положила руку на бедро; ее лоб нахмурился в раздумьях.

– Я составлю рапорт, – вопреки расхожему мнению, человек не должен был отсутствовать энное время, чтобы его признали пропавшим без вести. Улики имеют свойство исчезать, и полиция ценила, когда люди обращались к ним по горячим следам. Но масштабы и качество расследования зависели от особых обстоятельств.

– Я также объявлю ее в розыск, – продолжила Стелла. Полицейский департамент Скарлет-Фоллз, помощники шерифа и полиция штата займутся поисками ее автомобиля. Обождите немного, я возьму набор для выявления следов крови.

Стелла достала из своей машины набор, потом сфотографировала пятно, взяла с него соскребок и убрала в полиэтиленовый пакетик вещественное доказательство – ноготь. А затем сняла отпечатки пальцев с дверных ручек, багетов и выключателей.

– Поиски будут более эффективными, если мы скоординируем наши усилия, – закончив свои манипуляции, произнесла Стелла.

– Конечно, – согласился Шарп. – Мы поговорим с ее семьей, друзьями и соседями. Морган уже обзвонила местные больницы.

– Держите меня в курсе, – закрыла чемоданчик со своими «инструментами» Стелла.

Ее напарник был в отпуске, и Стелле приходилось вести сразу несколько дел. А еще ей нужно было соблюдать законы конфиденциальности. В отличие от нее, Шарп, Ланс и Морган могли все бросить и всецело сосредоточиться на поисках Оливии. И Шарп мог (и порой так и делал) пренебречь этими законами и действовать по своему усмотрению.

Стелла записала приметы Оливии:

– Нет ли у нее характерных татуировок или родимых пятен?

– Нет, – помотал головою Шарп.

– А каких-либо хронических заболеваний? – спросила Стелла. – Ничего такого, о чем бы она мне рассказывала, – ответил детектив. – Но я справлюсь об этом у ее матери.

Мобильник Стеллы завибрировал. Не снимая телефон с ремня, она бросила взгляд на его экран. И, нахмурившись, поспешила нажать на «отбой».

Шарп потер лоб; его движения лишились обычной твердости. Отношения Шарпа с Оливией развивались по восходящей медленно, но верно.

– Вы не знаете, во что она была одета прошлой ночью? – поинтересовалась Стелла. – Вы общались по видео-чату?

– Нет, по телефону, – сказал Шарп. – Я не знаю, что на ней было надето. Но обычно в такой час она носит пижаму.

– А ее чемодан и косметичка на месте? Не пропали? – уточнила Стелла.

– Я еще не проверял, – провел рукой по голове Линкольн. – Да и не знаю, как они выглядят.

Вместе с Лансом и Стеллой детектив вернулись в спальню Оливии. Шарп распахнул дверцу гардеробной.

– Из одежды ничего не исчезло? – присоединилась к ним в гардеробной Морган. Стеллажи и полки были битком набиты одеждой и обувью. – Да, пожалуй, понять это невозможно.

– Вон чемодан, – указал Шарп на верхнюю полку. И вышел из гардеробной.

– А что с туалетными принадлежностями? Что она обычно берет с собой в поездку?

У Морган закрались опасения, что они вторгаются в частную жизнь Оливии, но она быстро отмела их и прошла в ванную. Оливия бы поняла.

Шарп заглянул внутрь через плечо девушки:

– Не знаю. Мы никогда не путешествовали вместе. Если она ночует у меня, то обычно приходит в полном сборе, как будто у нее поутру назначена встреча.

Домашняя аптечка была заполнена высококачественной, преимущественно натуральной косметикой. В узком бельеовом шкафу за дверью Морган обнаружила дорожный набор туалет-

ных принадлежностей и водонепроницаемую, соответствующую стандартам TSA сумку, а в ней – компактные флаконы с жидким содержимым.

– Не похоже, чтобы она куда-то уехала, – за набором туалетных принадлежностей Морган заметила ингалятор. Целостность его упаковки нарушена не была, а сигнатура датирована прошедшей зимой. – У Оливии проблемы с легкими?

– Нет, насколько мне известно, – Шарп пересек порог ванной, чтобы рассмотреть коробочку. – Я никогда не видел, чтобы она пользовалась ингалятором.

– Может, когда-то болела, – Морган вернула ингалятор на полку и следом за Шарпом вышла из ванной.

Стелла присела возле кровати; ее взгляд приковал какой-то предмет на бамбуковом полу:

– Похоже на кусочек резины.

Надев перчатки, она аккуратно подцепила за самый краешек бежевый квадратик резины шириной с дюйм.

– Что это? – нетерпеливо спросил Шарп.

– Пока не пойму.

Похлопав себя по карманам, Стелла извлекла из одного из них бумажный конверт для вещдоков.

– Пусть его изучат криминалисты, – выпрямилась она.

Они прошли в кабинет Оливии. Вдоль стен рядами тянулись книжные полки. Стелла подошла к рабочему столу Оливии и приподняла крышку ноутбука.

– Пока рано изымать ноутбук, чтобы ботаники в нем поковырялись, – окинув глазами стол, Стелла выдвинула ящики: – На первый взгляд, все в порядке.

Ее мобильник снова завибрировал, и Стелла его отключила:

– Мне пора. Я дам ориентировку, как только окажусь в машине. А вещдоки я закину в лабораторию. Если вы что-нибудь выясните, дайте мне знать. Я тоже вам сообщу, если что, – Стелла пожала руку Шарпу. – Возможно Оливия к вечеру вернется. Держитесь!

Детектив кивнул и, присев в кресло Оливии, вперил взгляд в ее ноутбук.

Морган вышла с сестрой на улицу. У штакетника, окружавшего сад Оливии, виселась куча опавших листьев. Из-за угла дома вынырнул Ланс.

Стелла показала ему кусочек резины в бумажном конверте и поинтересовалась:

– Нашел что-нибудь?

– Ничего. Никаких следов снаружи дверей или окон. Никаких отпечатков ног. И в сарае полный порядок, – лицо парня сковало разочарование. – А где Шарп?

– Внутри, – ответила Морган.

– Даже не знаю, что еще мы тут можем предпринять, – вернулся в дом Ланс.

Когда он скрылся за дверью, Морган попрощалась с сестрой и тоже поспешила внутрь. Ланса и Шарпа она нашла в кабинете Оливии. Своим образцовым порядком он походил на музей. На белой промокашке не было ни одного пятнышка от кофе.

Совершенно потерянный Шарп все еще сидел за рабочим столом Оливии. И барабанил пальцами по закрытой крышке ее ноутбука:

– Надо пообщаться с ее друзьями, родными, соседями. Если ничего не прояснится, тогда покопаемся в ее рабочих файлах.

– Звучит разумно. Давайте составим план действий на сегодняшний вечер, – примостилась Морган на край стола. – А завтра утром обновим его, если за ночь ничего не случится.

Если Оливия не вернется домой.

– Я хочу еще раз проехаться по ее маршруту до дома родителей. Может, я упустил что-то из виду во время нашей первой поездки, – потер руки Шарп. – И поговорю с родителями, – он проверил время на экране своего мобильного. – Почти пять часов. Пора в дорогу. Ее родители, наверное, уже с ума посходили от беспокойства.

– Кто-нибудь из нас может поехать вместе с вами, – предложила Морган.

Но Шарп помотал головой:

– Это ни к чему.

– Вы не можете искать машину Оливии и одновременно управлять своим автомобилем, – возразила Морган.

– Морган поедет, – оттолкнулся от стены Ланс. – Возможно, мать Оливии и ее сестра будут с ней более откровенны.

Шарп умел разговорить людей, но Морган согласилась с Лансом: ей не хотелось оставлять детектива одного. Да и садиться за руль в таком смятенном состоянии ему не стоило.

– Может, вы и правы, – сказал Шарп.

– А я пока побеседую с соседями Оливии, – предложил Ланс. – И проверю ее любимые места в городе. Вы можете составить список тех заведений, где она чаще всего бывает? Может, у нее есть любимый ресторанчик или кофейня?

– Я составлю список, – выдвинув верхний ящик стола, Шарп достал из него блокнот.

– А я пока позвоню бабушке и предупрежу своих, что мы вернемся домой только к ужину, если не к ночи, – Морган вышла из кабинета.

Ланс последовал за ней на кухню.

– Пожалуй, я успею обернуться до того, как они лягут спать, – взглянув на часы, сказал он. – Опрос соседей займет не больше часа. Или около того.

Кивнув, Морган набрала номер деда. И, когда он снял трубку, рассказала об исчезновении Оливии.

– Да, конечно, мы все понимаем, – сказал дед. – Не волнуйся за дочек. У нас с Джанной все под контролем.

И в сто тысячный раз Морган мысленно поблагодарила его и жившую в их доме няню. А в следующую секунду услышала в телефоне тоненький голосок:

– Это мама?

– С тобой хочет поговорить Эйва. Держи, – передал трубку дед семилетней дочери Морган.

– Мамочка, ты же обещала свозить сегодня вечером нас в магазин, за костюмами к Хэллоуину, – прозвучал в ней пронзительный голосок девочки.

Морган только открыла рот, чтобы извиниться, как Ланс похлопал ее по руке и прошептал:

– Я могу с ними сходить.

– Подожди минутку, дорогая, – Морган опустила мобильник и зажала микрофон рукой: – До Хэллоуина еще целых шесть недель. У нас полно времени.

– Но мы же обещали свозить их в магазин сегодня, – Ланс снова посмотрел на часы. – Я буду дома в половине седьмого. На покупку нарядов уйдет не больше часа. В восемь я их уже уложу в постель.

– Ты уверен? – Морган не сомневалась в его способности справиться с девочками. Но возбуждение, которое всегда вызывал Хэллоуин у детей, не уступало разве что восторгу в Рождество. Дочки будут сильно взбудоражены.

– Абсолютно, – кивнул Ланс. – Что тут такого?

Морган приложила телефон к уху:

– Ланс сказал, что отвезет вас сегодня.

– Ура! – завизжала Эйва. И ей эхом откликнулись сестры.

Глава седьмая

Ланс приблизился к дому, стоявшему по диагонали от дома Оливии – синему строению в стиле кейп-код с красными ставнями. Было половина шестого вечера; большинство людей возвращались с работы. Ланс уже побывал в продуктовом магазине и в местном кафе с бодрящим названием «Выше нос!».

Никто там Оливию в тот день не видел.

Не повезло Лансу и в тех нескольких жилых домах, куда он успел заглянуть. Никто из их обитателей не видел Оливии вот уже несколько дней. Большинство людей работали и в будние дни проводили на улице мало времени.

Ланс поднялся на две ступеньки, остановился на переднем крыльце и позвонил в звонок. За дверью разразилась неистовым пронзительным лаем явно маленькая собачонка.

– А ну, тихо! – прикрикнул на нее чей-то голос.

Дверь распахнулась, и глазам Ланса предстал пожилой мужчина в серых хлопчатобумажных брюках, рубашке в красную клетку и ярко-оранжевых шиповках. У его ног потягивал и порывкивал четырехфунтовый йоркширский терьер, норовивший прошмыгнуть мимо ног хозяина. Судя по всему, он просто жаждал вцепиться своими маленькими зубками в лодыжки Ланса и разорвать их на части. Оттолкнув разъярившегося пса в сторону, мужчина поспешил выйти на крыльцо. И, притворив за собою дверь, усмехнулся:

– Вы уж нас извините. Гриззу уже пятнадцать лет, а он так и не обучился хорошим манерам. Видать, горбатого могила исправит.

Вручив старику свою визитку, Ланс представился.

– А я Боб Джонсон, – старик прищурился на визитку, а затем достал из нагрудного кармана рубашки очки в черной оправе. – Частный сыщик? Мне еще не доводилось беседовать с кем-либо из вашей братии, – в голосе старика послышалось возбуждение. – Чем могу быть полезен?

– Я разыскиваю вашу соседку, Оливию Круз. Вы с ней знакомы?

– Да, я знаю Оливию. Она унаследовала этот дом от своей тетки. Я ее тоже знал. Я живу в этом доме уже шесть десятков годков. Мы с супругой его купили сразу после рождения третьего ребенка.

– А ваша жена дома?

Боб покачал головой; его глаза увлажнились:

– Нет, в прошлом году она меня покинула, аккуратно после нашей бриллиантовой свадьбы.

– Простите, – Ланс прочувствовал печаль вдовца. Сам он даже не представлял себе, что значит лишиться Морган. И что такое может когда-то случиться.

Боб ответил грустной улыбкой:

– Я благодарен ей за все годы, проведенные вместе. Она держала меня в узде, – старик моргнул, стряхнув с себя ностальгию. – Кто-то же должен был это делать.

Боб уже разменял девятый десяток, но для своего возраста был довольно бодр.

– Когда вы в последний раз разговаривали с Оливией? – не стал затягивать Ланс.

Боб поскреб подбородок.

– Пару дней тому назад, рано утром. Она работала в своем саду. Я советовался по поводу дерновых растений, которыми собираюсь засадить свои цветники. Я уже не могу нагибаться, чтобы пропалывать сорняки.

– А вы помните, что за день это был?

– А какой день сегодня?

– Пятница.

– Я на пенсии, и все дни для меня теперь сливаются, – пояснил Боб. – Раз сегодня пятница, значит, мы разговаривали в среду.

– И с тех пор вы ее больше не видели?

Брови Боба сошлись на переносице:

– Она проезжала мимо моего дома этой ночью. Я выгуливал пса. У нас обоих теперь бессонница. Гризз кружил по заднему двору, когда я услышал мотор ее машины.

– А вы не можете сказать, который был час? – спросил Ланс.

Боб подпер кулаком поясницу. И в раздумье опустил голову. Точное время я вам не скажу, но думаю, где-то между двумя и тремя ночи. Мы с Гриззом снова легли после этого.

– А за рулем была Оливия? Может, в машине сидел еще кто-то?

– Я не видел ее лица, – Боб указал головой на улицу. – Она проехала по этой дороге. Так что пассажирское сиденье было с моей стороны. Но я никого не заприметил на нем. Предполагаю, что она была одна.

Ланс воздержался от предположений.

– А вы уверены, что это был ее автомобиль?

– Я не проверял номера, – повел плечом Боб. – Но у нее у единственной на всей этой улице белый «Приус».

– А до того, как она проехала, вы никого не заметили возле ее дома?

Боб снова потер подбородок:

– Какой-то парень постучал в ее дверь вчера вечером, около семи часов. Он постучал. Она не открыла. И он ушел. Только и всего.

Но Ланс решил заострить на этом внимание. Какая-никакая, но зацепка!

– А как он выглядел?

Боб нахмурился:

– Высокий, светловолосый. Но его лица я в темноте не разглядел.

– Худой, толстый, обычного телосложения? – придрался Ланс.

– Он был в куртке, но я бы сказал, что обычного.

– А вы не видели, на какой машине он приехал?

– Заметил! – заговорил Боб на высоких нотах. – Я разбираюсь в марках машин, – ткнул он себя пальцем в грудь. – Это был «Шевроле Нова» 1971-го года выпуска. Черного цвета... Хотя, может, и темно-синего.

– Это дорогая тачка? – Ланс не разбирался в марках автомобилей.

– Не особо, – ответил Боб. – Но если вам нравятся мощные машинки (как мне, например), то смею вас заверить: он был в очень хорошем состоянии. И очень приметным! Не так уж много темно-синих или черных «Шевроле Нова» 71-года разъезжает в этой округе.

Ланс вытащил из кармана маленький блокнотик:

– Вы мне скажете свой номер телефона, Боб?

– Конечно, – утвердительно мотнул тот головой.

Ланс записал его контактные данные.

– А больше никаких посторонних людей вы не заметили здесь вчера вечером? Может, каких-нибудь продавцов, контролеров счетчиков, рабочих из строительных бригад?

Боб махнул рукой в сторону кирпичного дома ниже по улице:

– У Браунов вот уже год тянется ремонт. У их дома все время стоят какие-нибудь грузовые машины.

– А на прошлой неделе вы видели рабочих?

Боб спрятал руки в карманы и поежился, словно замерз.

– Около их дома целых две недели стоял белый автофургон.

– Вы можете его описать?

– Белый, без окон сзади. Немного помятый, – боб прикрыл глаза. – Извините, я не припомню, какой компании он принадлежал. Я и правда привык, что там все время стоят какие-то машины. И уже не обращаю на них внимания.

Поблагодарив старика, Ланс спустился с крыльца. Прошел до кирпичного дома и постучал в дверь. Ее открыла блондинка лет под сорок. Высокая и стройная, в длинном голубом свитере поверх брючек для йоги.

– Миссис Браун?

Женщина кивнула, и Ланс, представившись, тоже протянул ей визитку.

Блондинка, под стать Бобу, сощурилась на нее, но тут же вскинула подбородок в позе зрелища.

– Я друг Оливии Круз, – поспешил развеять его Ланс. – Она живет вон в том белом доме, – кивнул парень в сторону бунгало Оливии, расположенного наискосок от дома Браунов.

– Я не разговариваю с незнакомцами, – попыталась миссис Браун закрыть дверь.

Эх, была бы с ним Морган! – подумал Ланс. – Она не напугала бы так эту женщину, как он. Но Шарпу Морган была сейчас нужнее.

– Пожалуйста, подождите, – отступил на шаг от входной двери парень, постаравшись не выглядеть слишком устрашающим. Правда, ему и раньше это плохо удавалось.

Женщина заколебалась.

Ланс улыбнулся:

– Вы можете позвонить в полицейский департамент Скарлет-Фоллз. Любой, кто ответит на ваш звонок, сможет за меня поручиться. Я прослужил в полиции десять лет.

Блондинка хмыкнула и захлопнула дверь. Ланс услышал скрежет засова, вернувшегося на свое место.

Куда она пошла? Звонить? Или ему опять не повезло?

Ланс отошел от двери и облокотился о перила крыльца. Пожалуй, он даст ей несколько минут. А потом – если она все-таки откажется с ним разговаривать – он вернется к Бобу и попросит его представить. В ожидании он оглядел тихую улицу Оливии. С обеих сторон ее обрамляли уже взрослые дубы. Их изогнутые ветви затеняли тротуар. Там было много тенистых местечек, где можно было спрятаться.

Ланс настолько погрузился в свои мысли, что скрип двери за спиной заставил парня вздрогнуть.

Миссис Браун смахнула с глаз светлую прядь:

– Сержант передает вам привет.

Она позвонила! Ланс оценил по достоинству осторожность миссис Браун.

– Вы знакомы с мисс Круз? – задал он первый вопрос.

Из дома до Ланса донеслись детские голоса и топот бегущих ступней. Миссис Браун вышла на крыльцо и прикрыла за собой дверь.

– Знакомы – настолько, чтобы помахать ей ручкой. Только и всего. Я даже имени ее не знала, пока вы мне не сказали, – смутилась миссис Браун.

– Мы живем здесь уже год, но так и не знаем многих соседей.

– А вы видели ее в последние дни?

На лице миссис Браун отразилось беспокойство.

– А почему вы спрашиваете? С ней что-то случилось?

– Оливия пропустила сегодня прием у врача. Мы надеемся, что это всего лишь недоразумение, но ее мать сильно встревожилась и попросила нас в этом разобраться.

Миссис Браун сжала пальцами края свитера. Босая, она приподняла одну ногу в розовом носке вверх и осталась стоять на другой, как аист.

– Мне кажется, мы видели ее на неделе, – поджала она губы. – Да, видели. В воскресенье. Мы с мужем сгребали листья. И она тоже этим занималась. Я работаю неполный день, и у меня

трое мальчиков; они играют в футбол. И во время футбольного сезона мне порой кажется, будто мы вообще не бываем дома, – миссис Браун взглянула на часы. – За мной должны заехать через десять минут. Сожалею, что не смогла вам ничем помочь.

– Последние две недели у вашего дома видели белый фургон. Он принадлежит одному из ваших подрядчиков?

– Нет, – нахмурилась миссис Браун. – Мы закончили ремонт еще месяц назад. Больше у нас никто не работает. Мне правда пора собираться. Надеюсь, вы отыщете мисс Круз.

Миссис Браун исчезла за дверью, и Ланс пошел дальше. Он пообщался с остальными соседями по улице. Никто из них не видел Оливию несколько дней. Двое заметили белый автофургон, но – как и Боб – не обратили на него внимания. И никто больше на улице не нанимал рабочих для ремонта.

Тогда почему этот белый фургон был припаркован на улице, напротив дома Оливии?

Ланс направился к своему джипу. Не прошел он и нескольких шагов, как из-за угла вырулил фургон «Джей-Би-Ти Ньюс» и затормозил перед домом Оливии. Из него вылезла съемочная бригада и начала устанавливать свое оборудование на тротуаре. Какой-то человек в костюме припудрил себе лицо.

Репортер.

Уже?

Раздраженный, Ланс устремился к своей машине. Настроение у парня совсем испортилось.

– Вы Ланс Крюгер? – спросил его «костюм».

Ланс сделал глубокий вдох, с шумом выдохнул воздух и остановился:

– А вы кто такой?

Мужчина обратил свое припудренное лицо к одному из ребят своей команды.

Его смуглая кожа и темные волосы были слишком... идеальными. Парень из съемочной группы подал «костюму» микрофон, а тот, в свою очередь, протянул его к Лансу:

– Вы расследуете дело Оливии Круз?

Ланс скрестил руки. Насколько он знал, исчезновение Оливии еще не стало достоянием общественности, но у полицейского департамента Скарлет-Фоллз всегда были проблемы с утечкой информации в прессу. Морган разговаривала со Стеллой по мобильному. Она не звонила в полицейский участок. Неужели их разговор засек полицейский сканер?

– Откуда вы знаете мисс Круз?

Репортер встретился с Лансом глазами, моргнул, а затем опустил микрофон и выключил его.

– Видите ли, у меня там есть свой информатор. И он сообщил мне о пропаже Оливии. Это правда? Она исчезла?

Ланс не смог решить, стоит ли задействовать средства массовой информации так рано. И принесет ли это пользу. Надо было обсудить это с Морган и Шарпом.

– Без комментариев, – рванул парень мимо репортера к своему джипу.

– Я все равно все узнаю, – прокричал ему вслед репортер. – У меня имеются и другие источники.

Ланс в этом не усомнился.

Глава восьмая

Оливия открыла глаза – перед ними поплыл туман. Она снова крепко сжала веки. Мысли закружились в замешательстве.

Что случилось? Где я?

Она лежала на боку, скрючившись. Сцена похищения внезапно всплыла в памяти калейдоскопом образов и ощущений. Глаза открылись. Оливия заморгала, попыталась вернуть себе ясность зрения. Взгляд уперся в темную поверхность, примерно в футах над лицом. Вытянув руку, она дотронулась до нее. Пальцы скользнули по твердому, холодному камню.

Оливия перевернулась на спину. Единственная тусклая лампочка отбрасывала достаточно света, чтобы она сумела различить то, что ее окружало. Она лежала на земляном полу. Каменная стена обрамляла пространство площадью десять на десять футов. Низкий потолок был собран из толстых деревянных бревен. Окон не было. Дальнюю стену закрывали пустые полки. У противоположной стены, рядом с крошечным светильником, узкие и крутые ступеньки вели вверх.

Погреб?

Она находилась под землей!

Замешательство сменилось ужасом. Адреналин обострил до предела все ее чувства, наполнил рот привкусом меди. Сердце бешено заколотилось, отзываясь в голове барабанной дробью.

С другой стороны (и это было уже хорошо), ее руки и ноги больше не были связаны. Исчезла и веревка с шеи. Но не успела Оливия испытать хоть какое-то облегчение, как ее легкие сжались так, словно грудь обвил большой и сильный удав. Дыхание стало частым и поверхностным.

Мне не хватает воздуха!

От недостатка кислорода и страха – голова закружилась.

Дыши!

Надо сохранять ясность мыслей.

Паника не поможет.

Еле уловимый ветерок вдруг коснулся ее лица. Где-то была вентиляция. А это значило, что она не останется без кислорода. И причиной ее затрудненного дыхания, скорее всего, стала тревога. Но одно дело – осознать это. И совсем другое – обуздать свой страх. Абсолютно разные вещи! Оливия начала считать: раз, два, три... В памяти снова всплыли слова Линкольна, под которые она обучалась владеть дыханием и преодолевать клаустрофобию, угрожавшую очередной панической атакой. Даже в воображении его глубокий, успокаивающий голос утешал и подбадривал Оливию. Ее язык прилип к пересохшему небу. Наверное, это побочный эффект того препарата, который ей вколол похититель.

Прошло несколько минут прежде, чем она восстановила дыхание. Как только головокружение прекратилось и сердцебиение замедлилось, Оливия ощутила пульсирующую боль в лице и ступнях.

Она попыталась оценить свое общее физическое состояние. Воздух в погребе был зябким и влажным. А она все еще оставалась одетой во фланелевые пижамные брючки, толстовку и плотные носки. Накинута поверх хлопчатобумажная шаль была подогнута под ступни, но этого было совершенно недостаточно, чтобы спасти их от промозглой сырости. От каменной стены исходил такой холод, словно она лежала у глыбы льда.

Оливия ощупала рукой щеку. Над костью образовался отек размером с гусиное яйцо. Но вряд ли она была сломана. Со ступней все было иначе. Оливия попробовала пошевелить

ей, и боль усилилась. Вся передняя часть ее стопы опухла и горела. Попытка ударить своего похитителя ногой в одном носке на поверку оказалась не лучшей идеей.

Даже если ей удастся выбраться отсюда, она вряд ли убежит далеко. Разве что ей попадется на пути машина, которую она сможет угнать. Перекатившись на руки и колени, Оливия встала и, прихрамывая, доковыляла до лестницы. Не обращая внимания на боль, она почти ползком начала взбираться по ступенькам. Деревянная дверь наверху была установлена под углом в коробке из толстых брусков, как дверь в переборке. Упершись руками в дерево, Оливия толкнула ее. Но дверь не поддавалась. Даже на щелочку. Оливия попыталась нащупать петли, но не нашла их.

Похоже, они были снаружи. Может, надавить на дверь плечом?

Бесполезно... Дверь не сдвинулась даже на миллиметр. Этот путь к свободе для нее закрыт. Развернувшись, Оливия присела на ступеньку. Мерцавший у ее лица светильник оказался круглым пластмассовым диском, прикрепленным к стене. Диаметр всего два дюйма. Никаких проводов к нему не тянулось. Судя по всему, работал он на батарейках. Не лучший вариант в качестве оружия. Оливия нажала на светильнике кнопку, и он выключился, оставив ее в кромешной темноте.

Нem!!!

На Оливию снова нахлынула паника, и она поспешила еще раз нажать на кнопку. Светильник ожил. В груди разлилось облегчение, на которое голова отозвалась легким кружением.

Не делай так больше!

Воздух в погребе пах землей и сырыми листьями. Оливия напрягла слух – вдруг она уловит какие-то звуки, которые подскажут ей, где она находится. Вот! Слабый всплеск. Значит, рядом вода.

Может, ей закричать?

Оливия попробовала, но страх подло сковал ей горло. Сглотнув, она собрала все свое мужество и, повернувшись к двери, выкрикнула:

– Эй! Там кто-нибудь есть?

Ей никто не ответил.

Оливия снова развернулась лицом к своей темнице. На этот раз ее внимание привлекли два предмета, которые она ранее не заметила. В дальнем углу стоял биотуалет, а рядом с ее покрывалом – коричневый пакет с продуктами. Оливия наклонилась и открыла его. На блоке из шести бутылок с водой лежали два протеиновых батончика. Достаточно, чтобы продержаться несколько дней, если распорядиться этим скудным пайком рационально.

Легкие снова стеснило напряжение. Замерев, Оливия подождала, пока пройдет одышка.

Бежать не получится. Ей придется дожидаться, пока похититель сам не откроет эту чертову дверь. Но то, что могло произойти, когда ее тюрьма откроется, могло быть гораздо хуже. Оливии показалось, будто стены темницы наклонились к ней ближе.

Нет, она должна оставаться спокойной – насколько можно было оставаться спокойной в таких обстоятельствах. Ее похититель предпринял столько усилий, чтобы ее выкрасть. И оставил ей еду. Значит, он не собирался ее убивать?

Верно?

Но кем же он был, и почему он ее похитил? Неужели она сама себя сделала мишенью, задавая вопросы о двух убийствах, которые расследовала? С кем она только их не обсуждала! Возможно, одна из ее версий оказалась слишком близка к истине? Может быть, один из тех осужденных убийц был *невиновен*? А тот, кто заказал эти убийства, не захотел, чтобы она докопалась до правды. Но тогда почему же он ее не убил?

Оливия снова огляделась по сторонам. Не томила ли пленницей в этом погребе еще какая-нибудь женщина? До нее?

Легкий прилив адреналина убыстрил ее пульс. В воображении опять зазвучал голос Линкольна: «Дыши!»

Доведется ли ей увидеть его снова?

Последнюю пару месяцев они все ходили вокруг да около, не решаясь обременить себя реальными обязательствами. Да, они обменялись ключами и кодами сигнализации. Но только ради удобства. Настоящего прогресса в их отношениях не наблюдалось. Секс был великолепным. Ни у кого из них не было интимных проблем. Куда как большую проблему, похоже, составляла боязнь эмоциональной зависимости.

Оба привыкли жить одни. У каждого за долгие годы одиночества сформировались устойчивые привычки. Мысль о том, что придется кардинально изменять свой образ жизни и ежедневно идти на компромисс и поступаться собственными пристрастиями, пугала Оливию. И Линкольна, наверное, тоже.

Но молчаливая договоренность все больше заводила обоих в тупик. Каждый с завидным упорством старался не оставлять в доме другого ничего, кроме зубной щетки и дезодоранта, никаких вещей, для хранения которых мог потребоваться выдвижной ящик комода и которые требовали признания определенной привязанности и верности.

И вот теперь, когда Оливия дрожала в одиночестве в темноте, все их безрассудные маневры для сохранения независимости вдруг показались ей до ужаса глупыми, а ее стремление избегать компромиссов мелким и нелепым.

Существовала большая вероятность того, что ее жизнь вскоре должна была оборваться. Людей не увозят из дома посреди ночи по безвинным причинам.

Ее похититель наверняка замыслил что-то недоброе.

Решимость сохранить спокойствие только усугубила клаустрофобию Оливии. Горло снова сдавило, дыхание участилось.

Ей необходимо себя чем-то занять! Иначе она просто сойдет с ума! Прихрамывая, Оливия прошлась по периметру погреба. Ей надо обследовать каждый дюйм своей темницы – вдруг она обнаружит какой-нибудь выход или потенциальное оружие!

Как долго ее будут держать под землей?

Глава девятая

Ланс поехал по направлению к дому и вызвал Шарпа по громкой связи.

– Ты что-нибудь узнал у соседей? – поинтересовался у него детектив.

– Возможно, – свернул направо Ланс. – Один пенсионер из дома по диагонали от бунгало Оливии несколько раз за последние две недели замечал белый фургон, припаркованный на противоположной стороне улицы. Он думал, что это фургон подрядчиков, делавших ремонт для семьи, проживающей ниже по улице. Я переговорил со всеми соседями. Но никто из них не занимался ремонтом в этот период. Я планирую связаться утром с городской управой, а также обзвонить службы грузоперевозок и кабельные компании. Может быть, найдется резонное объяснение этому furgону.

Шарп помолчал, как будто обдумывал услышанную информацию.

– Насколько можно доверять этому человеку?

– Старику под восемьдесят, но свои мысли он излагает ясно и четко, в показаниях не путается. Этот же человек видел вчера около семи вечера, как в дверь Оливии стучал какой-то высокий блондин. Она не открыла, и незнакомец удалился. А приехал и уехал он на «Шевроле Нова» 1971 года выпуска, черного или темно-синего цвета.

– Белый фургон – слишком расплывчатое описание, чтобы пробивать его регистрацию. Хотя может оказаться хорошим подтверждающим доказательством, когда мы установим подозреваемого. А вот черный или темно-синий «Шевроле Нова» 71-го года – автомобиль достаточно колоритный. Надо выяснить, зарегистрированы ли такие модели в округе Рэндольф.

– Я уже позвонил матери, она над этим работает, – сказал Ланс. – Я дам вам знать, если она что-то найдет.

– Спасибо, – закончил разговор Шарп.

В половине седьмого вечера Ланс открыл входную дверь в квартиру Морган и тотчас же оказался в окружении детей и собак. Когда парень решился переехать в новую семью, его немного беспокоил шум и бурная деятельность его обитателей. Сейчас, по прошествии шести месяцев, он уже не мыслил своей жизни без этого хаоса.

Самая младшая дочка Морган, Софи, катапультировалась с разбега прямо ему на руки. Готовый к прыжку девочки, Ланс подхватил ее и посадил себе на бедро. Софи обвила его всеми четырьмя своими конечностями. Семилетняя Эйва обычно вела себя более сдержанно, но в этот вечер и она обхватила Ланса за талию своими ручками. А шестилетняя Мия порывисто обняла его и тут же отскочила назад как кролик.

– Дайте Лансу переступить порог, – призвала их Жианна; остановившись позади этой кучи-малы, она вытерла руки полотенцем для посуды. Стройная, с тонким коричневым хвостиком, туго стянутым на макушке, она чувствовала себя уже гораздо лучше, чем когда только переехала жить к Морган. На вид ей можно было дать меньше девятнадцати лет. Из-за заболевания почек и требовавшегося диализа Жианна, конечно, заметно похудела, но с ее лица уже не сходила широкая улыбка, а в своей заботе о девочках она, похоже, не знала меры.

– Все сходили в ванную и вымыли ручки? – уточнила Жианна.

Вместо ответа девочки дружно развернулись и наперегонки помчались к ванной комнате в дальнем конце коридора.

– Ну вот, у тебя есть минутка, – рассмеялась Жианна Лансу. – Я приготовила цыпленка с пармезаном. Ты поешь сейчас или по возвращении из магазина?

До ушей Ланса донесся звук воды, спускаемой в туалете и бегущей из-под крана. Девочки вернутся через несколько секунд.

– Я могу подождать, – сказал парень.

Скрипнули пружины, и Ланс заглянул в гостиную. Там дедушка Морган, Арт Дейн, восстанавливал равновесие после подъема с кресла-каталки.

Опираясь на палку, он вышел в прихожую:

– Девочки немного возбуждены.

– Вижу, – поприветствовал Ланс собак, круживших у его ног. Французский бульдог Соня обнюхал его ботинки, а собака-спасатель Ракета наклонила морду к ноге парня. Присев на корточки, Ланс почесал каждую за ухом.

– Хэллоуин, – объяснила одним словом возбуждение девчушек Жианна. И перебросила полотенце через плечо: – Хотите, я поеду с вами?

– Не надо, мы справимся, – помотал головой Ланс. Была пятница, и утром Жианна ездила на диализ; она, наверное, устала.

Девочки примчались обратно так же быстро, как убежали. Эйва и Мия обули кеды. Пока Мия завязывала шнурки, ее язычок от усердия высунулся из ротика и застрял между зубами. Софи всунула ноги в резиновые сапожки высотой по колено. Они были ярко-желтого цвета и расписаны красными божьими коровками, и последние две недели девочка только в них и ходила.

– Поживее! – привстав на мыски, поторопила она Мию.

Та вскинула на сестру глаза, шнурки выскользнули из маленьких ручек, и ей пришлось начинать всю шнуровку сначала.

Софи выпустила из носика нетерпеливо-раздраженный выдох. Будь она драконом, из ее ноздрей наверняка бы вырвалось пламя:

– Пусть Ланс тебе поможет. А то магазин скоро закроется.

Мия нахмурилась на сестру:

– Я хочу завязать свои кеды сама.

– Торопиться некуда, – вмешался Ланс. – Магазин не закроется еще несколько часов.

Софи подпрыгнула к двери, приземлившись на обе ножки, словно тигр на свой хвост.

Мия завязала свой последний узелок и довольно ухмыльнулась:

– Я сделала это.

Ланс, наклонившись, протянул ей свою ладонь:

– Умница! – похвалил он девочку.

Затем распрямился, подтолкнул сестричек к двери и кинул через плечо Жианне:

– Мы вернемся где-то через час.

– Удачи! – напутствовала их Жианна.

Пока девочки выбегали за порог, внутренний голос предупредил Ланса, что удача ему и вправду может понадобиться. Он усадил сестричек в детские сиденья в фургоне Морган, пристегнул их ремнями безопасности, и последующую четверть часа они проболтали без умолка. На стоянке у магазина Ланс помог своим маленьким пассажиркам вылезти из машины и крепко сжал руку Софи. Из всех троих она была самой активной.

– Мия, – позвал Ланс, вытянув свободную руку, и девочка послушно схватилась за нее. – Эйва, возьми Мию за руку.

Для того чтобы безопасно провести трех детишек по стоянке, требовалось больше внимания и расчетливости, чем при аресте грозного преступника. Но вот, наконец, Ланс открыл под мелодичный звон колокольчика дверь магазина и завел девочек внутрь.

– Я точно знаю, кем хочу быть! – Эйва рванула вперед к витрине с нарядами для принцессы.

– Держись! – Ланс подхватил на руки Софи, взял за руку Мию и поспешил за старшей девочкой. Обычно Эйва вела себя более зрело, чем ее младшие сестры. Но костюмы к Хэллоуину были слишком волнительными.

Девочка обернулась; пока она изучала высокие манекены в многослойных оборках и тиа-рах, ее глаза округлились как блюда.

– Я хочу быть Эльзой! Где она?

– Эльзой из «Холодного сердца?» – уточнил Ланс. За последние полгода он просмотрел едва ли не все существующие мультфильмы о принцессах.

– Да! – крутанулась вокруг своей оси Эйва. Ее глаза расширились еще больше, в голосе начало нарастать отчаяние: – Я не вижу ее!

Гордый тем, что он может распознать всех принцесс в витрине, Ланс указал на голубое платье:

– А Золушкой быть не хочешь?

– Золушкой будет Кейтлин, – насупилась Эйва, – Джесси будет Белл, Кинси решила быть Ариэль, – девочка скороговоркой выпалила еще несколько имен.

Ланс поставил Софи на ноги и отпустил руку Мии, твердым тоном повелев ей:

– Стой на месте!

Подняв руку, он снял с плечиков костюм Эльзы. И, повернувшись, вручил его Эйве:

– Вот, держи!

– Вау! – от восторженного вопля девочки у парня чуть не лопнули барабанные перепонки.

Эйва приложила платье к лицу.

Ланс обернулся. *Вот черт!*

Мия и Софи исчезли.

– Где твои сестрички? – паника вспыхнула в груди Ланса, как спичка, чиркнувшая по коробку.

Куда они могли подеваться?

Эйва опустила костюм:

– Что-что?

– Твои сестры! – Ланс схватил ее за руку и стремительным шагом двинулся по проходу между витринами. Они завернули за угол и обвели глазами следующий проход. И парень с облегчением выдохнул: примерно в двадцати футах от них он заметил девчушек. Быстро нагнав их, он выпустил руку Эйвы.

– Посмотрите-ка, что у меня есть! – показала сестричкам свой блестящий наряд Эйва.

– А я хочу вот этот! – запрыгала Мия, тыча пальчиком в костюм белого единорога – плюшевую шкуру сказочного животного с болтавшимися ножками, розовой гривой, таким же розовым хвостом и сверкавшим серебристым рогом. Еще один подскок – и Мия схватила единорога за ногу. А в следующий миг девочка громко вскрикнула: добрая дюжина костюмов с шумом повалилась на пол. Ланс поднял их, чтобы снова повесить на вешалки, но все ноги упавших «единорогов» переплелись в один большой и путаный клубок. С чувством вины Ланс сдался.

«Гарантия занятости для продавцов», – хмыкнул про себя парень.

– Девочки, вы не должны никуда от меня отходить! – попытался внушить он сестричкам.

Эйва обняла свой костюм. Мия, пританцовывая, прошлась по кругу с единорогом. Но обе кивнули и глазами попросили у Ланса прощения. Впрочем, присмирели они лишь на пару секунд.

Обычно они вели себя хорошо. *Что за бесенок в них вселился?*

«Хэллоуин!» – эхом отозвался в ушах парня голос Джианны.

– А где Софи?

– Вон там! – показала Эйва.

Софи находилась от них всего в шести футах, но ее маленькое тельце было полускрыто картонной фигурой зомби в полный рост взрослого человека. Рука девочки тянулась к витрине с резиновыми масками зомби – жутким, окровавленным и совершенно неподходящим

для четырехлетней девочки. Приди она в одной из них в школу, и всех ребят в классе неделю бы промучили ночные кошмары.

Ланс почувствовал, как чья-то рука дернула его за штанину. Мия обвила его ногу ручками и вскинула на Ланса глаза, полные слез.

Парень присел рядом с нею на корточки:

– В чем дело, Мия?

Указав на маску зомби, девочка прошептала ему на ухо:

– Она такая страшная.

– Не бойся, – приобнял ее за плечики Ланс. – Это всего лишь маска.

Мия наклонилась к нему, фыркнула и вытерла нос о кожу единорога.

Теперь ему точно придется купить этот костюм...

Ланс повернулся к Эйве:

– Вы двое стойте тут! Никуда не ходите! Мы подобрали вам наряды. Теперь надо подыскать костюм для Софи.

– Ладно, – кивнули девочки. Мия встала рядом с сестрой.

Ланс снова повернулся к Софи. Возбуждение, сверкавшее в глазах девчушки, напомнили ему взгляд Дрю Бэрримор из «Порождающей огонь». Или того младенца из «Омена».

Парень приблизился к девочке:

– Это не детский костюм, Соф.

Она не вымолвила ни слова, но в глазах девочки Ланс прочитал: «И что с того?»

«Неужели она уже видит себя взрослой?» – содрогнулся парень.

Софи мудро предпочла торг конфронтации:

– Эйва и Мия получили те костюмы, которые захотели.

– Да, но они их выбрали в детской секции. А это костюмы для взрослых, – Ланс уставился на маску. В ней было нечто такое, что не давало ему покоя. Он чуть ли не силой заставил себя отвести от нее взгляд. – Давай посмотрим остальные наряды для детей? – предложил Ланс Софи.

Та наклонила голову набок, как будто обдумывала, насколько далеко она может зайти в своей настойчивости. Малышка была еще той хитрюгой, а Ланс (чего уж греха таить!) частенько давал слабину в спорах с ней. Плечики девочки поникли, она поводила мыском своего резинового сапожка по полу.

Ланс взял ее за руку. Они вернулись в детскую секцию и пошли вдоль витрин. Эйва и Мия потрусили – шаг в шаг – вслед за ними.

Взгляд Ланса привлекла витрина с костюмами щенков и котят.

– Как насчет этого котенка? – спросил он Софи. – Тебе же нравятся котята. Разве это не Мэри из «Котов-аристократов»?

– Я не хочу быть котенком, – затрясла Софи головкой так сильно, что ее косички заплясали из стороны в сторону.

– Ты же провела почти весь прошлый год в нарядах котят, – привел веский, по его мнению, аргумент Ланс.

– Но мне уже четыре года, – возразила Софи. – Я хочу какой-нибудь страшный костюм, чтобы меня все боялись.

Губки Мии задрожали.

– Давай посмотрим еще, – Ланс просканировал глазами проход. И в одной из витрин заприметил зомби-принцессу. В алом платье с прорезами, зеленовато-белыми тенями вокруг глаз, но без всяких брызг и пятен крови. Ланс снял платье:

– Хочешь быть зомби-принцессой?

Во вздохе Софи он уловил нараставшее разочарование:

– На этом платье нет крови.

Именно так.

– И даже при этом оно выглядит страшным, – попытался убедить девочку Ланс. Он не мог купить Софи костюм, вызывавший у Мии слезы и способный перепугать половину ребятшек в ее дошкольном классе. Морган его бы убила!

– А давай купим мне два наряда, – предложила Софи. – Один для школы, а другой для выпрашивания сладостей!

– Нет, мы купим один костюм, – постарался придать твердости своему взгляду Ланс.

Софи шаркнула желтым сапожком по натертому мастикой полу.

Ланс заметил в витрине набор «вампирского» грима.

– Но мы можем купить немного красной краски и нарисовать у тебя на лице капли крови. Но в школу ты с таким гримом не пойдешь. Только для выпрашивания сладостей. Договорились? Мы же не хотим запугать твоих одноклассников.

Софи бросила на Ланса бесстрастный взгляд, словно говоря: именно так я и думала сделать.

Ланс встретил его с такой же невозмутимостью.

– Ладно, – вздох девочки выдал всю борьбу чувств и эмоций, бушевавших у нее внутри.

– Вот и хорошо, – Ланс взял с полочки набор грима, повесил костюм зомби-принцессы себе на руку и повел девочек к кассе. По пути им снова пришлось проходить мимо витрины с масками, и она опять привлекла его внимание. Маски были резиновыми и надевались на всю голову. Ведьмы, скелеты, персонажи разных «ужастиков». Глаза Ланса остановились на маске зомби, облюбованной Софи – цвета человеческой плоти, с зияющими ранами и пустыми глазницами.

В памяти Ланса что-то всколыхнулось.

Девочки были уже в самом начале прохода.

Не имея времени разглядывать маску, Ланс схватил ее и спрятал под костюмом для Софи. И поспешил вдогонку за сестричками. На кассе он ловко отвлек их внимание леденцами на палочке, притворившись, что не расслышал, как Эйва прошептала Мие:

– Мама никогда не разрешает нам грызть леденцы.

Девочки не заметили, как Ланс оплатил маску и тихо попросил продавщицу упаковать ее в отдельный пакет, который он крепко стиснул под мышкой, пока они пересекали стоянку.

В фургоне Ланс спрятал пакет под пассажирским сиденьем. Затем рассадил по местам девочек и порулил домой. А дома сестрички разбежались по своим комнатам – примерять покупки. А Ланс вернулся к фургону за своим пакетом. Он занес его в спальню и плотно прикрыл за собою дверь. Присев на краешек кровати, Ланс вытащил маску из пакета и растянул ее пальцами. У резины был большой запас податливости, но при сильном натяжении она все-таки могла порваться.

Но гораздо важнее было другое – маска была из того же материала, того же цвета и такой же плотности, как и тот кусочек резины, который они обнаружили в спальне Оливии.

Глава десятая

Морган вела «Приус» Шарпа на юг по федеральной автостраде. Достаточно медленно, чтобы заставить водителей трех проехавших мимо машин нервно посигналить, а еще двух – показать ей средний палец.

Шарп ответил им тем же:

– Вот козлы. Они же могли тебя спокойно объехать!

Морган козлов просто игнорировала.

Уставившись в окно, Шарп пристально изучал придорожные окрестности.

На подъезде к мосту Морган еще больше замедлила скорость, а Шарп вытянул журавлем шею, чтобы лучше обозреть покатый речной берег. По выражению его лица с крепко поджатыми губами Морган поняла: никаких пробоин в ограждении или следов от протектора на рыхлой почве, указывавших на то, что какой-то автомобиль мог съехать с трассы, он не увидел. Проезжая по мосту, Морган бросила взгляд на темную воду. А что, если машина Оливии съехала с другой дороги?

Оставив мост позади, Морган снова сбавила скорость до предельно возможного уровня.

– А Оливия всегда ездит к родителям по этой автостраде?

– Да, всегда. Если только не случается аварий или пробок, – ответил Шарп, не отрывая глаз от окна. – Я проверил. Сегодня утром не было никаких дорожных происшествий.

– А могла ли она заехать куда-нибудь по пути? Тут нет ничего такого, что могло бы побудить ее свернуть с трассы?

– Не знаю, – вздох, вырвавшийся из груди Шарпа, заставил сердце Морган сжаться от сопереживания. – Но я также не знаю, что ее побудило уехать из дома в два часа ночи. И я не знаю, почему я вообще ищу ее машину. Сомневаюсь, чтобы она отправилась к родителям в такой час. Что она делала?

– Все это очень странно. Может быть, она следила за кем-то?

– Может быть. Но за кем? – голос Шарпа прозвучал глухо из-за беспокойства. Он знаком указал: – Сюда.

Остаток пути они проехали в полном молчании. Солнце уже опустилось за горизонт, погрузив автостраду в сумеречную темноту. Морган очень хотелось найти для Шарпа слова утешения, но его голова была наверняка забита воспоминаниями о всех жестоких преступлениях, расследовать которые ему довелось за последние тридцать лет. Как, впрочем, и ее. Увы, профессии обоих нередко выставляли человечество в худшем свете. И никого из них не могло одурачить это блаженное неведение и обманчивое чувство безопасности.

Морган свернула на развилке. Родители Оливии жили в старом поселении, состоящем из одноэтажных домов.

– Вот этот дом, – указал детектив на крошечный белый домик с красными ставнями. Сквозь щели в них просачивался свет, горевший внутри.

У поребрика скучал припаркованный голубой минивэн.

Морган припарковала «Приус» позади него, и они с Шарпом вылезли из машины.

Шарп с минуту постоял в нерешительности:

– Я не знаю, что им сказать...

В окне колыхнулась шторка. За ними кто-то наблюдал.

Морган взяла детектива за руку и повела по испещренным трещинами бетонной дорожке:

– Слова придут...

– Я разговаривал с семьями и прежде. Но это совсем другой случай, – сказал Шарп. – Я знаком с этими людьми лично.

Дверь распахнулась, прежде чем они дошли до крыльца. В дверном проеме застыла невысокая женщина с окрашенными в бронзовый цвет локонами.

«Мать Оливии!» – догадалась Морган. Темные глаза женщины терзались тревогой. Морган и Шарп поднялись по ступенькам на крыльцо.

– Вы не нашли Оливию, – сказала ровным голосом ее мать.

Шарп покачал головой:

– Нет, мэм... Прос... – начал извиняться детектив, но его сбивчивый лепет оборвало на полуслове объятие женщины.

Она крепко сжала его – словно понимала, что он не меньше нее самой нуждается в утешении. А потом выпустила из объятия и погладила по руке:

– Вы найдете ее. Я знаю, вы обязательно ее найдете.

Шарп отступил на шаг; в уголках его глаз скопилась влага.

– Это невеста моего помощника и партнера, Морган Дейн. Они с Лансом предложили свою помощь в поиске.

Морган и Шарп проследовали за миссис Круз в прихожую. И там уже Морган попала в ее объятия. Для такой маленькой женщины руки матери Оливии оказались на удивление сильными.

Отпустив Морган, миссис Круз остановилась от нее на расстоянии вытянутой руки:

– Спасибо вам. Оливия часто о вас рассказывала. Она считает вас блестящим адвокатом.

– Мы сделаем все, что в наших силах, чтобы найти ее, – заверила встревоженную мать Морган.

– Я знаю, – миссис Круз провела гостей по короткому коридору в маленькую, но современную кухню. Там за обеденным столом сидели двое. Хозяйка дома представила своего мужа и сестру Оливии – Валери. Беспокойство семьи было осязаемым, как запах кофе.

– Я сварю вам кофе, – не дожидаясь ответа гостей, Валери засуетилась на кухне, пользуясь моментом, чтобы в движении выплеснуть наружу немного сдерживаемого волнения.

– Несколько минут назад нам позвонил репортер. Откуда ему известно об Оливии? – спросила Валери.

– Не знаю, – ответила Морган. Но ей следовало ожидать утечки новостей. Стелла могла держать расследование в строжайшем секрете, но в любом подразделении полиции периодически случался слив информации. – Что вы ему сказали?

– К телефону подошла мама, – взгляд Валери смягчился, когда она посмотрела на миссис Круз.

– Он был очень груб, и я повесила трубку, – добавила та.

«Не мешало бы ей стать “пресс-секретарем” этой семьи», – подумала Морган. Пресса могла оказаться полезным инструментом в расследовании, но ее, как и сообщаемые ей сведения, нужно было держать под контролем, особенно на раннем этапе поисков. Слухи зачастую порождают ложные зацепки, отнимающие драгоценное время расследования.

– Возможно, вам позвонят и другие репортеры, – предупредила Крузов Морган. – В следующий раз, если вам не захочется общаться с прессой самим, переадресуйте журналистов ко мне. Я с ними разберусь. Впрочем, можно организовать и официальную пресс-конференцию, чтобы обратиться за помощью к общественности.

Миссис Круз перевела взгляд с Морган на Валери и обратно:

– А как, по-вашему, нам лучше сделать? – спросила она.

– Мне надо подумать, – ответила Морган. – Вам не поступало никаких звонков или сообщений насчет Оливии?

– Нет, – помотала Валери головой. – Я еще проверила электронную почту родителей и почтовый ящик. Ничего.

Значит, никаких требований выкупа...

Морган покосилась на Шарпа. Тот стоял молча, с пустыми глазами, как будто у него не осталось ни мыслей, ни слов.

– В котором часу прошлым вечером Оливия уехала от вас? – продолжила за детектива Морган.

– Около девяти, – Валери достала из буфета чашки.

– Она прислала мне эсэмэску около десяти вечера, по прибытии домой, – добавила миссис Круз, присев рядом с мужем. – Я понимаю, это глупо. Оливия – взрослая женщина, но всякий раз, когда она от нас уезжает, я просто не могу заснуть, пока не узнаю, что она благополучно доехала до дома, – мистер Круз взял жену за руку, и их пальцы переплелись.

– Это вовсе не глупо, – Морган и представить себе не могла, что бы она испытывала, исчезни одна из ее дочерей. И не важно, сколько лет ей бы было. Одной этой мысли было довольно, чтобы ее грудь защемило беспокойство. Молодая женщина села напротив супругов.

– Матерям дозволено волноваться.

Шарп опустил на стул рядом с Морган.

– Оливия простит меня, – протянула ему блокнот миссис Круз. – Мы составили список друзей и подруг Оливии.

Шарп не отреагировал; он как прирос к своему стулу с отсутствующим видом, так и продолжил сидеть. Вместо него короткий список пробежала глазами Морган.

– Вы мне можете рассказать, как Оливия познакомилась с этими людьми? – попросила она, подхватив со стола ручку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.